

A detailed illustration of a medieval village. In the foreground, a large group of knights on horseback, wearing chainmail and carrying shields and spears, are gathered in a grassy field. Behind them is a wooden fence. The middle ground features a cluster of wooden buildings with steep, rusted metal roofs. A prominent church with a red dome and spires stands on a slight rise. A winding river flows through the landscape, reflecting the sky. In the background, a range of rugged mountains with snow-capped peaks stretches across the horizon under a blue sky with light clouds.

Андрей Труфанов

Невский рубеж

18+

Андрей Труфанов

Невский рубеж

«Автор»

2026

Труфанов А.

Невский рубеж / А. Труфанов — «Автор», 2026

Часть вторая: Невский рубеж
Вторая часть из цикла исторического романа "Рать". История повествует о борьбе русских витязей со шведами в устье Невы и Ижоры, а также о предшествующих этому событиям: о строительстве Лебяжего острога, стычках с лесными разбойниками и о быте русских окрестных деревень. С подачи Папы Римского Король Швеции планирует нападение на Ладугу. Отряд Гедемина продолжает разбойничать в окрестностях Новгорода. Воевода Буслай возвращается в острог, где он встречается с уже знакомыми героями первой части. Дружинники вступают в бой со шведами, становясь участниками Великой Невской битвы.

© Труфанов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Дерпт. Замок магистра Ливонского ордена	6
Ладога	9
Северная дорога	11
Ладожский посад	13
Господин Великий Новгород	15
Окрестности Ладоги. Лагерь Гедемина	17
Деревня Бугры	19
Ладога	22
Лебяжий острог	24
Лагерь Гедемина	27
Лесные Дали	29
Северная дорога	34
Лагерь Гедемина	36
Ладожский посад	39
Ладога	42
Ладожский посад	44
Лагерь Гедемина	46
Устье реки Невы	47
Северная дорога	51
Господин Великий Новгород	54
Северный острог	59
Лагерь Гедемина	63
Ладога	65
Северная дорога. Постоялый двор	67
Лагерь Гедемина	71
Ладога	73
Северный острог	74
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Андрей Труфанов Невский рубеж

Наступил 1240 год от Рождества Христова. Лютая зима закончилась, и пришла весна. Как уже упоминалось, король Эрих Картавий планировал поход на Ладогу, а затем и на Новгород. Рыцари Ливонского ордена намеревались идти сухопутным путём на Псков и Новгород. В случае успеха шведские рыцари рассчитывали захватить берега Невы — единственный выход Новгорода и всей Руси к морю, взять под контроль новгородскую внешнюю торговлю и контролировать путь «из варяг в греки». При наиболее благоприятном исходе предполагалось завоевать всю Новгородскую землю — одну из немногих территорий, не разорённых татарами. Захват берегов Невы также должен был обеспечить выполнение давней задачи шведской экспансии: завершить покорение Финляндии. Если бы шведам удалось овладеть берегами Невы, финское племя ель оказалось бы отрезанным от Новгородской земли и лишилось бы могущественной поддержки новгородцев. Согласно первоначальному плану, важное участие в нападении на Русь должны были принять рыцари из могущественного Датского королевства, незадолго до того захватившего северную Эстонию. Однако датский король Вальдемар Второй не смог привести главные силы в Прибалтику в 1240 году, прислав лишь отряды своих рыцарей из Таллина в помощь немцам. Шведы и немецкие рыцари Ордена предварительно хотели договориться о совместных действиях против русских земель.

Дерпт. Замок магистра Ливонского ордена

В замке магистра Ливонского ордена Фольквина фон Винтерштаттена ждали приезда ярла Биргера и ярла Фаси из Швеции. Эта встреча должна была стать генеральной перед походом на Русь. В зале сидели его приближённые: Андреас фон Вильвен, ландмейстер Генрих фон Гагенлоэ, епископ Дерптский Герман, рыцари ордена Гедемин и Гудвин фон Борк, а также посланник магистра ордена тамплиеров Армана Перигорского капитульер рыцарь Ричард Манфред, который, как и обещал, привёл с собой двадцать конных воинов. Они беседовали о делах ордена, но разговор прервал вошедший в зал Отто.

– Послы шведские — ярл Биргер и ярл Фаси, – громко произнёс он и поклонился.

– Зови, – ответил магистр. В зал вошли шведские рыцари и поклонились магистру. Тот жестом предложил им сесть за стол и присоединиться к трапезе: – Поешьте с дороги, дорогие гости.

– Благодарю, это не помешает, но прежде позвольте передать вам сердечный привет от нашего короля Эриха, – произнёс Фаси.

– Спасибо, друг мой. Как поживает его величество? – спросил магистр.

– Король болен, поэтому многие вопросы приходится решать мне и ярлу Биргеру, – ответил Фаси и отпил вина из кубка.

– Что ж, давайте поговорим о деле, ради которого мы собрались. Когда думаете выступать? – поинтересовался магистр.

– Наши шнеки будут готовы в июне, значит, где-то в конце месяца мы покинем берега Швеции.

– Благодаря вам у нас есть карта порогов и мелей в устьях Невы и Ижоры, так что проблем с высадкой не будет, – ответил ярл Биргер.

– Отлично. Сколько людей удалось собрать под свои знамёна? – спросил магистр.

– Более пяти тысяч копей, – ответил Биргер.

– Кто возглавит войско? – спросил Андреас фон Вильвен.

– Я и ярл Фаси. Мы лично решили вести наших доблестных рыцарей. В свою очередь, по велению короля Эриха, я хотел бы узнать: пойдёте ли вы на Псков? – спросил Биргер.

– Да, мы планируем поход на Псков, а когда захватим его, то вместе с вами с разных сторон двинемся на Новгород, – ответил Андреас.

– Отлично. Думаю, ваш ответ порадует нашего короля, – сказал ярл Биргер.

– Передайте также своему королю, что папа Иннокентий отправил в Новгород с посольством кардиналов Гальда и Гемонта. Они должны предъявить князю Александру окончательный ультиматум о смене веры на нашу, – произнёс епископ Герман.

– Это тоже приятная новость, – сказал ярл Фаси.

– В преддверии вашего выступления мы думаем послать в Новгородскую область отряд наших людей под командованием рыцарей ордена Гедемина и Гудвина фон Борка, а также изъявил желание выступить с нами рыцарь-тамплиер капитульер Ричард Манфред, – сказал ландмейстер Генрих фон Гагенлоэ и выпил вина. Представленные рыцари поклонились шведам.

– И велик ли будет этот отряд? – поинтересовался Биргер.

– Около сотни копей. Главная цель — разграбить близлежащие деревни в районе Новгорода и Ладоги, чтобы подорвать экономический потенциал этих городов, а также склонить язычников на нашу сторону. Многих мы уже перекупили: эти дикари за серебро родную мать продадут, – сказал Андреас фон Вильвен.

– Пользуясь случаем, хочу передать поклон и большой привет вашему королю от магистра ордена тамплиеров Армана Перигорского, – произнёс Ричард Манфред.

– С большим удовольствием передам от имени вашего магистра, – сказал ярл Фаси.

– Когда думаете выступать? – обратился Фаси к фон Борку.
– Ждём нашего человека из Ладogi. Как только он прибудет с новостями, сразу выдвигаемся, – ответил Гудвин фон Борк.

– А что у вас на улицах сегодня таклюдно? – поинтересовался ярл Биргер.

– Так ведь Пальмовое воскресенье. В Дерпте его всегда отмечают очень шумно. Вы ещё не представляете, что здесь творится на Пасху, – произнёс епископ Герман.

Праздничные богослужения совершались с большой пышностью при участии лучших хоровых певцов. Женщины старались принарядиться: они шли не только на богослужение, но и «в люди» — посмотреть на других и себя показать. У каждого в церкви было своё место, которое определялось положением в обществе. В воскресные и праздничные дни работать запрещалось, и после мессы прихожанам хотелось развлечься: танцы и пение происходили прямо на церковном дворе, хотя клирики, по крайней мере декларативно, осуждали такое времяпрепровождение. Можно было развлечься и без нравоучений, например, поглазеть на бродячих артистов.

– У нас тоже празднуют, но поспокойнее, – произнёс Фаси.

– Тут много дикарей, народ необузданный, потому и шумят где попало. Могут пляски устроить прямо напротив святого храма, – сказал Гедемин.

– Пейте и ешьте, гости дорогие. За разговорами про еду совсем забыли. Вот рябчиков в чесночной подливе попробуйте: готовили лучшие повара Европы, специально из Франции ландмейстером выписаны, – предложил магистр.

– Действительно вкусно, пальчики оближешь, – произнёс Биргер, откусывая мясо птицы.

– А что они с грибами делают, вы даже не представляете. У них во Франции эти грибы специально выращивают. Культурный народ, ничего не скажешь, – произнёс фон Борк.

– Грех, конечно, есть в Великий пост, но воинам можно. Бог простит этот грех, – сказал Андреас и положил себе на блюдо целую куропатку.

– Во имя великого дела собрались мы. Видит он, что во славу его идём воевать. Поход за истинную веру — дело богоугодное. Ешьте, дети мои, – произнёс магистр и перекрестил собравшихся рыцарей.

– Гедемин, а твои люди готовы? – поинтересовался епископ.

– Ждут не дождутся, когда получают приказ выступать. Вальтера дождёмся — и в путь. Нам там должны подготовить стоянку. Остались под Ладогой ещё верные нам люди. Сам Чаклер будет встречать нас. Молодец: убил новгородского тысяцкого — прямо в полдень, и чистым из воды вышел. И посадника прикрыл от зоркого ока их владыки Спиридона. Люди князя сильно под него рыть стали, – ответил Гедемин.

– А где сейчас Чаклер? – спросил магистр.

– Удачно покинул Новгород, а сейчас его боярин Алексей со всеми удобствами в Ладогепристроил. После нескольких наших неудач к нему прибилось несколько человек из отряда Вепря. Они могут стать нам неплохими проводниками в тех местах. Их боярин тоже пока держит в Ладогеп, чтобы под присмотром были, – ответил рыцарь.

– Хорошо. Как только твой Вальтер появится с информацией, выдвигайтесь немедленно. Ваше присутствие там сейчас крайне необходимо. Совершайте нападения открыто, чтобы местное население знало, с кем имеет дело. Думаю, в Новгороде уже подозревают о наших намерениях. Князь Александр умён не по годам. Полагаю, его люди, как и наш Чаклер, ходят по нашей земле и собирают нужные сведения. Большое скопление рыцарей и их людей не могло бы остаться незамеченным, – произнёс магистр.

– Проконтролирую, чтобы удвоили бдительность. Несколько человек уже было обнаружено. Крысобой с ними любезно побеседовал — он умеет развязывать языки, – сказал Генрих фон Гагенлоэ.

– А кто такой этот Крысобой? – поинтересовался ярл Фаси.

– Наш дерптский палач, огромный бесчувственный великан. Ему не знакомо чувство сострадания. В его деле человеколюбие — неподходящее качество. Эта профессия передалась ему от отца, а отцу — от деда. Те много ездили по Европе и изучали разные изощрённые пытки. Любимая пытка Крысобоя — испанский сапог. Это приспособление придумали то ли во Франции, то ли в Испании, но очень действенное. Суть пытки в том, что к ногам с двух сторон привязывают две доски, и палач вбивает между ними клинья. Доски создают давление и крошат кости голени. Человек после такой пытки либо умирает от заражения крови, либо остаётся полным калекой, — просветил присутствующих Гедемин.

– Испанцы охочи до разных выдумок, что касается пыток. Жестокий народ, — произнёс ярл Биргер.

– Да, особенно нетерпимы они к еретикам и ведьмам. Это называется у них «аутодафе». Их сжигают обычно в праздники, и сразу по несколько человек, — сказал фон Борк.

– Ладно, пытки пусть остаются привилегией палача, а мы воины. Нам о походе думать надо. Я так понимаю, выступать нужно летом. Мы пойдём через Изборск на Псков, — молвил Андреас фон Вильвен. — Я сам поведу воинов Ордена.

– Да, сын мой, доверяю тебе эту священную миссию. Давайте выпьем вина за успех нашего похода и за здоровье его святейшества папы римского, — предложил магистр. Все встали.

Через два дня шведское посольство возвращалось к Эриху Картавому. В это время из Ладogi прибыл Вальтер с хорошими новостями: стоянка для отряда Гедемина была оборудована на старом месте, где когда-то находился лагерь Вепря. Гедемин, фон Борк и Манфред со своими людьми спешно отбыли в новгородские земли.

Ладога

После долгих скитаний по лесам Олаф, Непея и Финн наконец обрели некоторое спокойствие и комфорт. Сначала они прибыли на старое место стоянки Вепря, где стали ждать вестника из Ладоги, но вместо него туда пришли Бардим и Чаклер, а днём позже прибыли вестовой от боярина Алексея и Вальтер. Так голодные и обмороженные разбойники попали в Ладогу. Боярин Алексей нашёл для них небольшое ветхое, но отапливаемое жильё, а Вальтер обеспечил их продуктами. Чаклер и Бардим поселились в посаде. Шпион боялся быть узнанным и, поскольку в ближайшее время никаких дел не предвиделось, решил укрыться подальше от знакомых глаз. Боярин Алексей тоже не хотел лишний раз высовывать нос из своего жилища, так как люди Евпатия знали о боярине-Иуде и могли его признать. Тогда его настигла бы жестокая кара. Поскольку Финн вызывал в городе меньше всего подозрений, его сделали связным между всеми, и он стал проживать вместе с боярином Алексеем. Его это вполне устраивало: во-первых, там было гораздо просторнее, уютнее и теплее, а во-вторых, стол у боярина был сытнее, чем у разбойников.

Финн сидел за столом и бесцельно бросал кости, как вдруг услышал стук в дверь и насторожился. Стук повторился. Он осторожно подошёл к двери и вынул из-за пояса большой датский нож.

– Кто там? – спросил он.

– Открывай, это Бардим, – послышалось из-за двери. Финн узнал голос разбойника.

– Сейчас, подожди, – произнёс он и снял засов. Бардим вошёл в горницу.

– Что, не ждал? Чаклер прислал меня. А где боярин? – спросил Бардим.

– Ушёл куда-то, он мне не докладывает. Надел рясу и ушёл утром, – ответил Финн.

– Понятно. Дай воды испить, а то после ходьбы ком в горле стоит, – попросил Бардим.

Финн подошёл к жбану с водой и зачерпнул ковшом.

– На, пей, – произнёс он. – Зачем пожаловал?

– Скоро Вальтер с рыцарями должен появиться, нужно идти в лес, готовить стоянку. И дров нарубить не забудьте, всё должно быть наилучшим образом. Чаклер говорит, что какие-то знатные рыцари пожалуют, один вроде бы из самой Британии с людьми прибыл, капитульер ордена тамплиеров. Видимо, серьёзное дело немец затевает, – ответил Бардим.

– Скорее бы, а то запасы у боярина уже заканчиваются, оскудел стол. Недавно мясо ели, а сейчас только хлеб да немного сыра, – произнёс Финн.

– Тебе ли говорить. Когда мы с Чаклером в лес пришли, вы там еле живые были. Ещё пару дней — и загнулись бы от голода или околели от холода, – сказал Бардим.

– Это да, но человек быстро привыкает к хорошему. Думаю, немец не даст нам голодать, – произнёс Финн.

– С большим обозом они поедут. Вальтер сказал, что человек сто будет, не считая монахов и разной прислуги. Одних конников человек сорок, а то и больше, – молвил Бардим.

– Короче, мне нужно идти за Олафом и Непеей и выдвигаться в лес? – спросил Финн.

– Да, завтра нужно идти. И вот, возьми, тут немного серебра. Сходи на рынок и закупи продуктов, чтобы вам хватило до прибытия немца. Если возникнет что-то непредвиденное, придёшь сам, Олафа и Непею не посылай. У Олафа всё на лице написано, кто он, а Непея — смерд беглый, – предупредил Бардим и отпил ещё глоток воды. Жидкость струйками потекла по его жидкой бороде и намочила рубаху.

– Ладно, всё понял. Боярин придёт — тогда пойду. А ты ступай, здесь много лишних глаз. Соседи знают, что к Алексею никто не ходит, он вроде как отшельник живёт, а меня выдал за племянника, который приехал его навестить из Твери. Сейчас там голодно после

нашествия монголов: много пожгли и разграбили язычники. За последний год много народу из центральной Руси в наши места пришло, – произнёс Финн.

– Ладно, бывай, пойду я, а ты особенно не мешкай, – напомнил Бардим и вышел на улицу.

Олаф и Непея от скуки играли в кости. Из своей избы они практически не выходили: боярин Алексей строго запретил им это делать. Скучную еду раз в два дня им приносил Финн. Их занятие прервал скрип открывшейся двери. Они оглянулись и увидели вошедшего Финна.

– Еды принёс? – недовольным голосом спросил Олаф.

– Да, вот немного, до завтра хватит. От Чаклера Бардим приходил, сказал, что завтра нам идти в лес — лагерь крестоносцам готовить. Скоро они должны пожаловать с большим отрядом. Боярин Алексей сказал, что мы будем у них проводниками. Ладно, пойду, мне ещё на рынок надо — запастись продуктами на несколько дней. Завтра из города нас подземным ходом выведет один человек, который служит боярину, – ответил Финн, передал Непее узелок с едой и пошёл к выходу.

– Что скажешь? – спросил Непея, когда дверь за Финном закрылась.

– А что говорить, кончилась наша тёплая жизнь, теперь придётся немного помёрзнуть, – ответил варяг.

– Ну, может, оно и к лучшему — хоть немного скуку развеем. Да и погода вроде не холодная. Вон капель какая, весна своё берёт, – произнёс Непея.

– Не думал я, что так долго задержусь на этой земле. Какая муха тогда Ольгерта укусила, что он решил идти вглубь страны, подальше от моря? Раньше-то мы только на прибрежные селения нападали, а потом вдоль Волхова пошли. И вот чем поход наш закончился. А Ольгерт золотые горы обещал, говорил, что богата земля новгородская, – молвил Олаф.

– Кто же знал, что этот проклятый Буслай со своими дружинниками попадётся на вашем пути, – произнёс Непея.

– Можно было бы с ним справиться, только Ольгерт недооценил силы противника. Говорил, что дружинников мало, что мы одолеем количеством. Ладно, чего старое поминать. В этом году поквитаемся за всё. Поход этот, видимо, богатым быть обещает, – сказал варяг.

– Что потом делать будешь? – поинтересовался смерд.

– Разбогатею — поеду на свои земли, к датскому побережью, – произнёс он.

– Я, наверно, тоже подамся подальше от этих мест — не будет мне жизни на новгородской земле. Может, в Чернигов пожалую, а то и в сам Киев, – произнёс Непея.

– Везде сейчас неспокойно. Там монгол хозяйничает, всей Европе от них покоя нет, – сказал Олаф.

– Да, монголы сейчас хозяйничают на Руси. Мой боярин говаривал, а я случайно услышал, что зимой тридцать восьмого года жестокая битва под Коломной была. Побили они рать нашу, а потом Владимир, Суздаль, Ростов, Тверь, Переяславль и другие города разграбили и пожгли. После взятия Торжка хотели на Новгород двинуть, но потом почему-то повернули назад. Не дошли всего вёрст сто и повернули в половецкие степи. А по пути им попался городок злой, Козельском зовётся. Так не могли они этот город семь недель взять, тьму людей потеряли, – молвил Непея.

– Ладно, что нам с тобой монгол? Другие у нас сейчас заботы будут. А когда разбогатеем, тогда и о будущем подумаем. А сейчас давай посмотрим, что нам Финн пожевать принёс, – предложил Олаф и стал развязывать узел.

Северная дорога

В феврале отец Евлампий, взяв с собой Фёдора и Шемяку, в сопровождении Тимофея и Свирида, прибыл в Новгород по приглашению владыки Спиридона. Спиридон вызвал его, чтобы обсудить строительство нового острога. Отец Евлампий представил проект, предложенный Фёдором. Владыка проект одобрил. По замыслу, новый острог должен был быть вдвое больше старого. Фёдор также предлагал возвести двое ворот и четыре башни: две с одной стороны и две с другой. Башни планировалось соединить навесными переходами с бойницами для стрелков. Для осуществления проекта владыка отрядил на Северную дорогу множество лесорубов, которые должны были за два месяца заготовить лес. К середине апреля лес подготовили, и началось строительство. Одновременно со стенами принялись возводить избы. Фёдор занялся строительством новой часовни. А Калаш, Зозуля, Мотыль, Дар, Рябой, Мирон, Арефа, Кузьма, Ефим, Спирька и Лопух взялись за постройку домов из заранее подготовленных брёвен. Им помогали и новгородские мастера. Владыка торопил: он хотел, чтобы к началу лета строительство острога завершилось. Никита как десятник почти каждый день находился на объекте и контролировал работы.

– Что, Фёдор, как думаешь, осилим к концу весны? – спросил он.

– А почему бы и нет, осилим, если никто мешать не будет. Вон, гляди, как мужики трудятся. Хорошо, что уже тепло, – ответил Фёдор.

– Хорошо бы, чтобы в этом году лето удалось, как в том. Вон сколько продовольственных запасов осталось. Митрич говорит, что никогда у них такого не было, – произнёс Никита.

– Митрич хоть и болтун, но здесь прав: в этом году нам повезло — и урожай хороший, и с охотой и рыбалкой сильно повезло. Ну, ладно, ты иди лучше глянь, как там наверху мужики бойницы делают, а мне крышу закончить надо, чтобы Шемяка мог подготовить стены для росписи, – сказал Фёдор. Никита стал подниматься по лестнице наверх, где строители делали переход между башнями.

Мужики рубили срубы. Калаш и Мотыль были хорошими умельцами в строительном деле. Под их руководством и шла вся работа.

– Ох, Лопух, ты у меня получишь: видно, твои ягодицы уже по розгам соскучились. Ты как бревно обтёсываешь? Гляди, как у Спирьки ладно получается, а от тебя пользы никакой. Только гусей пасти и можешь, – выругался Калаш.

– Дядька Калаш, я стараюсь, просто у меня плохо получается, – пожаловался Лопух.

– Это просто у тебя руки не из того места растут. Завтра с Мироном, Кузьмой и Ефимом пойдёте глину для печей копать. Скоро Фирса привезём, он печи класть будет. Мастер он на это дело большой, жаль только, что калека, – произнёс Мотыль.

– А что со старым острогом будет? – поинтересовался Спирька, снимая скребком кору с дерева.

– Что будет — пусть стоит. Может, владыка найдёт ему применение. Можно там постоянный двор возвести: вон сколько путников и купцов нынче по Северной дороге ходит. Лучше под крышей ночевать, чем под открытым небом. Пелагее давно эта идея в голову пришла, молодец баба. Вот Дар женится на ней и хозяйством обзаведётся, – ответил Мотыль.

– Вдвоём им не сдюжить, тут ещё люди нужны. За продуктами придётся в Ладогу ездить. Тут и лошадь, и телега, а зимой и сани нужны, и помощники понадобятся, – рассудил Спирька.

– Что касается помощников, думаю, они найдутся. Вон несколько лесорубов уже изъявили желание остаться с нами. Отец Евлампий сказал, что будет просить за них у владыки, – произнёс Калаш.

– Дай-то Бог. А владыка, думаю, добро даст. Они люди вольные, а мы примем их с душой. Тем более новгородская власть придаёт этому новому острогу большое значение. Владыка

хочет, чтобы там находилась небольшая дружина, а не как раньше: десятник да его помощник, – произнёс спустившийся с крыши часовни Зозуля.

– Хорошо, что владыка даст нам послабление. Никита сказал, что сотский к нам аж три месяца ездить не будет, – произнёс Калаш.

– Всё равно нужно быстрее заканчивать, чтобы хоть что-то до больших торгов успеть, – произнёс Мотыль и взял в руки кувшин с водой.

– Это да: зимой нас никто не накормит. Хорошо, что с того года много продуктов осталось. Сейчас потеплеет немного — бабка Авдотья устроит нашим бабам райскую жизнь там, – улыбнувшись, произнёс подошедший к ним Дар.

– Это да. Скоро строители новгородские стену ставить закончат и нам помогут. Им владыка такое указание дал. Я сам слышал, когда мы проект острога обсуждали, – сказал пришедший за пилой Фёдор.

– Дай-то Бог, чтобы помогли. Тут работы осталось — почти ничего, – сказал Мотыль.

– Ещё вещи со старого места целую неделю перевозить будем, – произнёс Калаш.

– Это да. А всё же хорошая идея с новым острогом. Отец Евлампий сказал, что жильё Буслая с Дашей и Ягра с Софьей никто занимать не будет. Захотят приехать — всегда своё место найдётся, и остальным путникам место будет, – сказал спустившийся вниз Никита.

– Ты всё о дружинниках думаешь. Нужно ли Буслаю ехать сюда? Он сейчас в городе, наверно, в роскоши живёт, владыка жалуёт его. Зачем ему везти молодую жену в наше захолустье? Даша с Софьей, скорее всего, нашли там новых подруг, по пирам да по торгам ходят, с заморскими людьми общаются, – произнёс Мотыль.

– А что, эти заморские люди из другого теста сделаны? Чем они такие необычные, если ты о них так возвышенно говоришь? – спросил Калаш и сделал глоток воды.

– Действительно, другие они: хлипкие какие-то, не чета нашим, русским, – ответил Никита и помог Спирьке перевернуть бревно.

– Это точно: где русскому терпимо, там немцу смерть, – подтвердил Калаш и передал кувшин с водой Мотылю.

– Это верно. Ладно, пошли есть, вон Лукерья с Ладой зовут. Их сегодня бабка Авдотья отрядила обед готовить, – произнёс Никита. Все пошли ближе к кухне.

– Ну, чего встали, как неродные? А ну подходи по одному, – закричала Лукерья строителям.

– Пойдём и мы поближе, а то им самый навар достанется, – сказал Мотыль.

– Не бойся, своих мужиков Лукерья не обидит, – успокоил его Калаш.

– Это да, – подтвердил Зозуля и шмыгнул носом.

Ладожский посад

Чаклер и Бардим поселились в посаде, на окраине, которая находилась дальше от города, но ближе к торгу. Постоялый двор был небольшой и служил скорее для остановки небогатых путешественников. Там они появились под видом паломников, пришедших со священной миссией. Оба вели неприметный образ жизни. Чаклер почти не выходил из своей горницы: он увлечённо читал какую-то толстую книгу, написанную на латыни. Бардим же ходил только по поручению Чаклера в город и иногда на рынок. Питались они на постоялом дворе. Чаклер всегда выбирал самый тёмный угол.

Погода стояла уже тёплая, ласковое весеннее солнце пригревало, с крыши струями текла вода. Чаклер и Бардим сидели за угловым столом и ждали, когда хозяйка принесёт еду.

– Со дня на день должен прибыть Гедемин с людьми из Дерпта, – произнёс Чаклер.

– А как мы узнаем об этом? Я же послал Финна, Олафа и Непею на старую стоянку Вепря, чтобы они подготовили место для крестоносцев, нарубили дров и ельника, – сказал Бардим.

– Поэтому завтра ты пойдёшь к боярину Алексею, скажешь, где нас искать. Есть у него пара преданных нам людей. Пусть, когда рыцарь объявится, он с человеком пришлёт нам весточку, – произнёс Чаклер.

– Понятно, завтра схожу, – сказал Бардим и встал из-за стола, чтобы поторопить хозяйку. На кухне её не оказалось, и Бардим вышел на крыльцо. У костра стоял хозяин и крутил на вертеле курицу, а рядом с ним стояла хозяйка и что-то ему говорила. Бардим хотел было их позвать, но осекся на полуслове и быстро шмыгнул за перегородку. На дворе появился наш старый знакомый Малюта. Бардим пошёл обратно к Чаклеру.

– Там на дворе Малюта пришёл. Что делать будем? – спросил дикарь. Чаклер знал из рассказа Олафа о том, как Малюта бежал из лагеря Вепря, а также знал, что тот стащил серебро и прихватил золотой крест крестоносца. Шпион напряг мозги: на ум пришли две вещи. Первая — прижать Малюту, потребовать украденное у Гедемина, а потом его убрать. Вторая — использовать разбойника в своих целях.

– Садись и своей спиной загороди меня, но так, чтобы я мог его видеть, – произнёс Чаклер и укутался в рясу.

– Тут и так темно в этом углу, – пробурчал Бардим и сел. В этот момент хозяин ввёл в зал Малюту и посадил за стол в противоположном углу. В зале было ещё несколько занятых столов, поэтому Чаклер и Бардим явно в глаза прибывшему Малюте не бросились. Разбойник беспечно опустился на лавку и стал ждать.

– Сейчас я быстро сделаю вам яичницу из перепелиных яиц с кабаньим мясом, – произнёс хозяин и выбежал во двор давать указания помощнику. Малюта крутил в руках пустое блюдо.

Вскоре хозяйка принесла поджаренную на костре курицу Чаклеру и Бардиму. Те кивком поблагодарили её.

– Сейчас он поест, погляди, куда пойдёт. Думаю, судя по виду, он живёт где-то в этом посаде, – тихо произнёс Чаклер.

– Почему ты так думаешь? – поинтересовался Бардим.

– Потому что он чистый и морда сытая. Если бы этот отморозок по лесам шлялся, так бы не выглядел. Здесь жизнь у него сытая: серебра он немало у Гедемина прихватил, – ответил Чаклер.

– А может, прибьём его, а серебро себе заберём? – предложил Бардим.

– Это мы всегда успеем сделать, если будем знать, где он бросил свои кости. Поэтому проследи за ним. А я подумаю, как его можно использовать. Малюта — сука продажная и трусливая, не люблю таких людей, но часто использую. В нашем деле они могут быть неплохим

инструментом, – прошептал Чаклер и откусил кусок курицы. Малюте принесли яичницу, и он, не подозревая, что за ним следят, принялся с аппетитом уничтожать еду.

– Когда я был в лагере Пургаса, Финн назвал его Иудой. Хотя я и не христианин, но знаю: человек, носивший это имя, предал вашего Бога за тридцать серебряников. В лагере Вепря мне об этом рассказывали, – произнёс Бардим.

– А почему ты не хочешь креститься? Если в дальнейшем думаешь попасть в Ливонию, обязательно должен креститься. Знаешь, что такое «аутодафе»? – спросил Чаклер.

– Нет, не знаю, – удивлённо ответил дикарь и взял чашу с молоком.

– Это когда еретиков и отступников веры нашей живьём на костре сжигают. Так что ты, друг, подумай. Я сам могу попросить епископа Германа, чтобы он лично окрестил тебя. А там, глядишь, честь и почёт тебе будут на землях моего племени, – ответил Чаклер.

– Не знал, что всё так серьёзно. Когда приедем в Дерпт, поговори с епископом. Я сам давно хотел тебя просить об этом, ибо свои боги меня уже давно прокляли, – произнёс Бардим. Тем временем Малюта уже доел аппетитную яичницу, расплатился с хозяином и пошёл к выходу. Чаклер проводил его пристальным холодным взглядом, от которого у Бардима по спине пробежали мурашки.

– Иди за ним, только будь осторожнее, чтобы он тебя не обнаружил, – произнёс Чаклер. Бардим встал, накинул на голову капюшон и пошёл вслед за Малютой.

– Как же мне использовать этого человека? Ладно, позже решу, – сказал сам себе Чаклер и откусил кусок курицы.

Господин Великий Новгород

Князь Александр прибыл в Великий Новгород с небольшой дружиной. Из приближённых при нём был только Гаврило Олексич. Этот человек отличался большим умом, поэтому Александр очень ценил его и всегда брал с собой, когда предстояли серьёзные и ответственные переговоры. Они сидели в тронной зале и ждали прибытия папского посольства, которое возглавляли кардиналы Гемонт и Гальд. В тронной также находился владыка Спиридон, приехавший накануне по приглашению князя. Князь и владыка, чтобы скоротать время, слушали Гаврило Олексича, который повествовал о нападении татар на Русь.

– Многочисленные полчища Батые стремились к Новгороду. Взяв Волок Ламский и Тверь, они осадили Торжок. Жители две недели оборонялись мужественно, надеясь, что новгородцы усердной помощью спасут их. Но в это несчастное время всякий думал только о себе. Татары взяли наконец Торжок и не дали никому пощады, ибо горожане дерзнули противиться. Войско Батые пошло далее Селигерским путём. Исчезали сёла, головы жителей падали, как скошенная трава, – Гаврило Олексич остановился перевести дух, но тут вошёл слуга Александра.

– Кардиналы Гальд и Гемонт прибыли и ждут приглашения на приём, – произнёс слуга.

– Прехитрые эти кардиналы, но шут с ними. Зови, давай этих святош, – распорядился Александр.

Через минуту слуга распахнул двери, и в тронный зал вошли папские посланники.

– Привет тебе, князь Александр, от его святейшества папы Иннокентия, – произнёс кардинал Гемонт, и оба священнослужителя поклонились.

– С чем пожаловали, гости дорогие? – с иронией молвил Александр и посмотрел на архиепископа Спиридона.

– Папа вместе с пожеланиями о твоём здравии шлёт тебе ультиматум, – произнёс кардинал Гальд и протянул князю свиток. Гаврило Олексич взял его и передал Александру. Тот развернул послание и внимательно пробежал его глазами.

– Ваш папа вновь предлагает принять его веру. Сколько уже людей от него ко мне приезжало, говорил я им, что всё это зря. Я посоветовался со своим народом, и вот что они мне посоветовали: от вашего учения мы не примем. Так и передайте своему папе: нам и с нашей верой неплохо живётся. Это вера отцов наших, и менять мы её не будем. Больше не смею вас задерживать, – произнёс князь.

– Но... – хотел продолжить Гемонт.

– Вам же сказали, что учения вашего нам не надобно, – строгим голосом прервал его Гаврило.

– Нечай, проводи гостей, – сказал князь слуге. Растерянные кардиналы поклонились и вышли.

– Неугомонные они какие-то: им говорят одно, а они опять со своим уставом лезут, – возмутился Гаврило Олексич.

– Что скажешь ты, владыка? – спросил Александр.

– Перекрестить Русь хотят, чтобы легче было нами управлять. Вот их единственная цель — подчинить нас. Они вроде бы идут к нам с миром, а сами собирают против нас войско. Мои люди шлют тревожные вести из шведских земель, – ответил владыка.

– Ты, владыка, пошли вестового в Ладогу к своему воеводе Евпатию. Пусть повысит бдительность: если придут шведы, им первым достанется, – сказал Александр.

– Обязательно пошлю. Я говорил тебе, князь, что решил заложить новый острог на Северной дороге. Работы уже идут полным ходом, думаю, к лету закончим. Хочу держать там

небольшую дружину, чтобы контролировала дорогу от лихих людей и незваного врага, – произнёс владыка.

– Хорошее дело задумал, – одобрил князь.

– А старый острог станет постоянным двором для путников и купцов, – добавил архиепископ.

– Скоро хочу послать Сбыслава Якуновича по Северной дороге. Он заодно и посмотрит, что там твои мастера сделали, – молвил князь.

– Ты, владыка, скажи лучше, каково настроение наших бояр. Что думают о суете в Швеции и Ливонии? – спросил Гаврило Олексич.

– А что говорить? Всё как раньше. Бояре Мирошкинич и Борецкие — те за дружбу с немцем и шведом, и посадник с ними заодно. А Михалковичи опасаются их. Арсений Михалкович сильно дружил с нашим тысяцким, – ответил владыка.

– Жалко и обидно, что народ на Руси живёт в раздоре. Объединиться бы всем да ударить по врагам. Всем бы досталось, никого вниманием не обделили бы, – сказал князь.

– Да где уж там объединиться. Все радеют только за свои уделы и вотчины, а до общего дела им нет дела, – произнёс Гаврило Олексич.

– Когда совсем прижмёт, тогда и думать начнут, – сказал Спиридон.

– Да куда же ещё больше? Владимир, Суздаль, Москву, Тверь, Торжок, Чернигов пожгли, да ещё кучу городов помельче. И ещё жечь и грабить будут. Вон, половцы да печенеги уже к нам побежали. Видно, тоже несладко им. Объединяться надо, – молвил Гаврило Олексич.

– Поговаривают, что Батый собрался идти на Киев. В 1238-м они уже подходили к Киеву, но штурмовать не стали: ушли обратно в степь, – сказал Александр.

– В тридцать восьмом пожгли муромские земли, досталось Переяславскому и Черниговскому княжествам. Всех будут жечь и грабить, кто не захочет платить им дань, – произнёс Гаврило Олексич.

– Это да, – согласился владыка.

– Ну что ж, я тогда завтра с Гаврило Олексичем покину Новгород, поеду в Городище. А ты, владыка, держи меня в курсе всех событий. В случае чего шли вестового, – сказал князь.

– Хорошо, княже, пришло. А теперь разреши откланяться: хочу ещё навестить нашего архимандрита, он назначил мне встречу на полдень в Юрьевом монастыре, – произнёс архиепископ и поклонился князю.

– Что ж, ступай, коли дела есть, – произнёс князь Александр.

На следующий день князь с Гаврило Олексичем и своей небольшой дружиной отбыли в Городище.

Окрестности Ладоги. Лагерь Гедемина

Финн, Олаф и Непея на следующий день после посещения Финна Бардимом выдвинулись в лес, к месту бывшей стоянки Вепря. Они расчистили место после недавнего бурелома, нарубили много еловых ветвей, а также заготовили целую кучу дров. Через три дня появился Гедемин со своим большим отрядом. Воины установили шатры и палатки. Гедемин распорядился выставить надёжное охранение лагеря. Вскоре сюда прибыли Чаклер, Бардим и боярин Алексей со своим слугой Корнеем.

Ричард Манфред явился со своим оруженосцем Самюэлем. Самюэль был огромного роста, с толстой бычьей шеей, широкими плечами и мощной спиной. Голова его была совершенно лысой, а макушку пересекал лиловый страшный шрам от сабли, полученный в битве с испанскими маврами. Он был облачён в длинную кольчугу, перепоясанную толстым кожаным ремнём, на котором висели большой британский нож, обоюдоострый меч и клевец. За спиной висел круглый металлический щит. Сам Манфред был облачён в кольчугу с металлическим нагрудником, ноги от стопы до паха закрывали железные латы, руки тоже были надёжно защищены. Полукруглый шлем с решётчатым забралом украшали перья какой-то заморской птицы. На его плаще и на плащах его воинов красовался большой красный крест — символ ордена тамплиеров.

Когда все собрались, Гедемин пригласил рыцарей, Вальтера, Чаклера и боярина Алексея в главный шатёр.

– Наконец-то мы дождались этого дня. В прошлом году нас на этой земле преследовали неудачи. В этом году я хочу всё исправить и поквитаться с обидчиками. В первую очередь мы должны разорить те деревни, мужики из которых помогали людям Буслая. За всё нужно держать ответ. Не щадить никого: всё выжечь, людей убить всех до единого. Потом пойдём на острог. Я лично вот этой рукой выну из груди сердце Буслая, – с возбуждённым видом произнёс Гедемин.

– Когда начнём? – спросил Гудвин фон Борк.

– Скоро. Думаю, наш приход на эту землю не остался незамеченным. Скорее всего, ладожскому воеводе уже сообщили о нас. Евпатий — хитрый и опытный лис, он постарается выследить нас. Но, полагаю, дружина у него маловата. Вряд ли владыка выделил для охраны Ладоги много ратников. Основные силы они держат в Новгороде, а дружина Александра — около пятисот копий — стоит в Городище на той стороне Волхова, – ответил Гедемин.

– Я хотел бы со своим отрядом совершить рейд в эти деревни. Только нужен проводник, – предложил Ричард Манфред.

– Хорошо, я дам твоим людям такую возможность. А в проводники возьмите Олафа. Он хоть и не конный боец, но ездить на лошади умеет. Варяг хорошо знает эти места, и долгов у него здесь много осталось, – улыбнувшись, произнёс Гедемин.

– Вот завтра и пойдём, а то руки чешутся, – сказал Манфред.

– А ты пока, дорогой мой фон Борк, обживись в лагере. Можешь сходить на охоту, развлечься. Живности здесь хватает, только бери с собой хороших охотников, – произнёс Гедемин.

– Я так и сделаю, послушаюсь твоего совета, – ответил рыцарь.

– Вальтер, до высадки наших союзников осталось не так много времени. Нужно послать надёжного человека к посаднику в Новгород. У него необходимо узнать точную численность войска Александра и новгородской дружины. Чаклеру и Бардиму после того, что они натворили, лучше там не показываться, – сказал Гедемин.

– Я могу взять с собой Финна. Это толковый малый: знает несколько языков, искусный боец и неплохо работает мозгами. Он здесь не примелькался. Думаю, если я лично отправлюсь с ним под видом странников, мы не вызовем ни у кого подозрений, – произнёс Вальтер.

– Хорошо, я полностью на тебя полагаюсь, – сказал рыцарь.

– А ты, Чаклер, немного отдохни и отправляйся в посад. Твоя задача — следить за передвижениями и действиями Евпатия. Вот, возьми этот мешок серебра на питание. И пусть Бардим купит лошадь, чтобы в случае чего срочно доставить нам нужную информацию, – молвил Гедемин.

– Хорошо, мы так и сделаем, – сказал шпион.

– А ты, боярин Алексей, делай то же самое в самой Ладоге. А если что, пошлешь сюда своего Корнея. Думаю, дорогу он уже запомнил, – произнёс Гедемин.

– Хорошо. И ещё: передайте посаднику, чтобы он приставил кого-нибудь к Буслаю. Владыка перевёл его в Новгород, он сейчас там воевода. В остроге дружинников сейчас тоже немного. Войско у вас большое, думаю, без особых проблем острог возьмёте. Но с острогом лучше пока повременить. Пусть твои люди жгут деревни, а потом уже и на острог. Если пойдёте сразу, князь такой наглости не простит — может послать большую конную дружину, – сказал боярин Алексей.

– Спасибо за совет, боярин. Я хочу сначала разделаться с Евпатием. Буслай узнает об этом и захочет отомстить за воеводу, – вот тогда я его и встречу, – сказал Гедемин.

– Разумно. Очень бы хотелось посмотреть, как тело этого дружинника корчится в агонии, – произнёс боярин.

– Не только ты, думаю, хотел бы на это посмотреть. Олаф, Непея, Финн — тоже бы с удовольствием присоединились, ну а обо мне и говорить нечего. Но не переживай, возможно, я доставлю тебе это удовольствие. Я возьму его в плен, отвезу в Дерпт и отдам в лапы тамошнему палачу Крысобою. Пусть примерит ему испанские сапоги. Ты, боярин, когда-нибудь слышал, как трещат человеческие кости? Нет? Я предоставлю тебе эту возможность, – сказал Гедемин.

– Я обязательно ею воспользуюсь, – молвил в ответ боярин.

На следующий день конный отряд капитульера Ричарда Манфреда вышел из лагеря. Рядом с Ричардом на огромном белом жеребце ехал Самюэль Смит, его оруженосец. Впереди гарцевал варяг Олаф. Он вёл людей Манфреда в сторону деревень Бугры и Лесные Дали.

Деревня Бугры

Деревня Бугры жила своей обычной жизнью. Никто не подозревал о надвигающейся беде. С вечера в деревню прибыл ладожский староста Пельгусий по поручению посадника Зосимы — договориться об осенних поставках зерна в Ладогу. Старостой деревни теперь был уже знакомый нам здоровяк Илья. После прошлогодних событий его авторитет вырос в глазах земляков, и все единодушно согласились, чтобы он был главным в селении.

Илья и Пельгусий уже решили все дела. Староста собирался уезжать и велел своему помощнику Прошке седлать коней, как вдруг в деревне кто-то сильно забил в било — знак общего сбора или тревоги. Пельгусий и Илья выскочили во двор. Илья предусмотрительно взял с собой трофейный меч, доставшийся ему после битвы с разбойниками Вепря. Их взору предстал конный отряд в белых плащах с красными крестами. Крайний дом в конце деревни уже полыхал, а навстречу Пельгусию и Илье бежали люди и громко кричали. Из других изб с криками тоже стали выбегать жители; двое из них упали, пронзённые стрелами.

– Крестоносцы! – прокричал вышедший из избы старый дед. Через мгновение он рухнул на плетень — тяжёлый меч Самюэля опустился на его голову.

– Окружай их, не давайте уходить! – закричал Манфред на британском наречии. Отряд крестоносцев рассыпался по деревне.

Люди спешно покидали дома. Кто в панике бежал к Пельгусию и Илье, кто сразу попытался укрыться в лесу. Храмовники не щадили ни старого, ни малого. Вскоре вспыхнули ещё две избы. Конники давили людей; упавшие на землю жители дико кричали и корчились от боли. Одной женщине конь Манфреда раздавил череп. Мужики пытались сопротивляться: кто с вилами, кто с косой, кто с топором — кинулись на врагов, но быстро пали от длинных копий крестоносцев.

– Пельгусий, скачи в Ладогу, предупреди Евпатия, а я попытаюсь их немного задержать, – крикнул Илья.

– Илья, ты их не остановишь, давай со мной, – ответил Пельгусий.

– Скачи, говорю, а то поздно будет, – сказал Илья и ушёл за плетень. В этот момент к нему подбежали ещё четверо мужчин и пять женщин с детьми.

Пельгусий вскочил на коня, Прошка последовал его примеру. Они поскакали в сторону Ладоги. Илья повёл людей во внутренний двор, где стояли телеги. Дети плакали, женщины в истерике кричали. С вышки упал, поражённый стрелой, звонарь Никита.

– Елисей, бери детей и женщин, бегите в лес, а я с мужиками попробую их задержать, – крикнул Илья. Елисей был молодым, но смышлёным парнем лет семнадцати. Он с полуслова понял команду.

– Марфа, Евдокия, быстро за мной, и хватит выть — надо бежать, – скомандовал мальчишка, взял на руки самого маленького малыша и со всех ног пустился к лесу. Все бабы и дети бегом последовали за ним.

Илья и трое мужиков приготовились отражать атаку. Поскольку во дворе с лошадьми было тесно, Самюэлю и ещё троим воинам пришлось спешиться. Они вошли во двор хозяйства Ильи и увидели за телегами самого хозяина с большим скандинавским мечом и трёх мужиков: у двоих были вилы, у одного — плотницкий топор и охотничий лук. Крестоносцы пошли на них. Мужик спустил тетиву, и стрела пронзила грудь одного из воинов Манфреда. Тот опустился на колени. Остальные бросились на мужиков. Те пытались кое-как отражать удары опытных воинов-храмовников.

Илья бился с одним из врагов. Великан уже имел некоторый боевой опыт и достаточно неплохо орудовал мечом. Он успешно отражал удары и даже слегка задел плечо противника. В этот момент Самюэль раскрыл голову одному из мужиков — тот упал, даже не успев вскрик-

нуть. Тем временем воин, нападавший на Илью, выбил у него из рук меч. Великан оказался безоружным. Он стал искать глазами хоть что-нибудь, чем можно защититься. На глаза попала оглобля; он схватил её и вскочил на телегу.

– Ну, держитесь! – закричал он и опустил оглоблю на голову крестоносца. Тот уклонился, но оглобля попала ему в плечо и повалила на землю. Илья кинулся на помощь двум оставшимся мужикам.

– Нужно к лесу отходить, там наше спасение, – сказал кряжистый мужик с окладистой чёрной бородой по имени Агапит.

– Попробуем выбраться через огород, – крикнул ему Илья и снова обрушил оглоблю на врагов. На этот раз она задела Самюэля; тот не удержал равновесия и упал в конский навоз.

– Дьявол! – закричал он на британском наречии и попытался встать. В этот момент ещё один мужик с вилами пал от копья крестоносца.

– За мной, там у меня лошадь стоит! – крикнул Илья и отпихнул нападавшего воина оглоблей. Тот споткнулся о пытавшегося встать Самюэля и упал.

– Тысяча чертей! – вылетело из его уст.

Илья запустил в них оглоблей и пустился бежать. Агапит последовал за ним. Они вбежали в конюшню, Илья запрыгнул на коня.

– Прыгай сзади! – крикнул он, и они выехали во двор.

– Что там у тебя? – обратился Манфред к Самюэлю.

– Да тут несколько упрямов пытаются сопротивляться. Сейчас мы с ними закончим, – ответил Самюэль. Тем временем Илья направил коня через огороды в сторону леса.

Манфред сжёг деревню дотла. Все не успевшие убежать жители были убиты. Воины начали грабить, но в деревне, кроме живности, ничего ценного не было: все меха, большую часть пшеницы, крупы, овощи и ремесленные изделия ещё раньше отвезли в острог. Сотский с обозом отправил всё в Новгород в начале зимы.

Елисей с женщинами и детьми благополучно добежали до леса и укрылись там. Вскоре к ним присоединились Илья и Агапит.

– Куда пойдём, Илья? – спросил Агапит.

– В Ладугу нельзя — местность открытая, нас там быстро найдут. Нужно идти в острог, больше некуда. Заодно предупредим их, а они, в свою очередь, отправят весточку владыке, – ответил он.

– Деревню, похоже, дотла сожгли, – вздохнув, произнесла Марфа. Это была полногрудая женщина лет сорока с веснушчатым добродушным лицом. Её муж погиб ещё под Юрьевом. У неё осталось два сына: четырнадцатилетний Сафрон и десятилетний Митрофан.

– Только мы и остались, – сказала Евдокия, молодая широкобёдрая девушка лет восемнадцати.

– Не люди это, а звери. Даже детей не пожалели, – сказал Агапит.

– Ладно, пошли. Нужно уйти подальше от этого места. Не дай бог, ещё преследовать нас захотят, – сказал Илья.

– Веди, – произнёс Агапит.

Все жители деревни Бугры пошли за Ильёй. Он направился в сторону Лебяжьего острога. Помимо уже известных нам Агапита, Елисея, Марфы, Сафрона, Митрофана и Евдокии, в живых остались ещё шестеро: шестидесятилетняя Аргепина, тридцатичетырёхлетняя красавица вдова Степанида с четырьмя детьми — шестнадцатилетней Мирой, двенадцатилетним Иоанном, девятилетним Борисом и трёхлетним Даниилом.

Отряд Манфреда разграбил деревню. Воины забрали трёх имевшихся в селении лошадей, запрягли их в телеги, а телеги нагрузили курами, утками, гусями и индюками, а также всем остальным, что представляло для них интерес. Коз и баранов привязали к телегам, трёх коров

повели на привязи. К вечеру они прибыли в лагерь Гедемина, где их встретили радостными криками.

Ладога

Евпатий сидел в своём тереме и уже готовился ко сну, когда дворовый доложил о прибытии старосты Пельгусия. Воевода оделся и спустился вниз, в горницу. Пельгусий был расстрёпан и взволнован.

– Что случилось, друг мой? – спросил Евпатий, удивлённый его видом.

– Беда, воевода. Рыцари снова объявились в наших местах. Вчера я по указу посадника поехал по деревням договориться об осенних поставках зерна. Заночевал в Буграх. Утром уже собирался трогаться, как вдруг в деревне затрубили тревогу. Мы с Ильёй выскочили во двор, а там рыцари дома жгут и наших людей убивают. Илья говорит: «Скачи, Пельгусий, передай всё Евпатию». Я хотел остаться, но он настоял. Вот мы с Прошкой и прискакали, – ответил Пельгусий.

– Правильно сделали, что послушал Илью, а то кто бы меня о беде предупредил? – сказал воевода. – Что с людьми стало, не знаю, только видел: никого не щадили — ни детей, ни стариков, ни женщин, – молвил староста.

– Значит, рыцари, говоришь? – спросил Евпатий.

– Да, рыцари, воевода, но какие-то другие. У крестоносцев, которые в том году наши деревни и сёла грабили и жгли, плащи были белые с чёрными крестами, а у этих кресты красные. Все как на лошадях. Человек двадцать их было, – ответил Пельгусий.

– Двадцать конников? Это серьёзно. Думаю, они не ограничатся этим. Но почему красные кресты на плащах? Как они здесь оказались? – задал себе вопрос Евпатий.

– Ты что-то знаешь про этих людей? – поинтересовался Пельгусий.

– Лучи креста расширялись от основания к концам? – уточнил воевода.

– Да, именно так, – ответил староста.

– Это тамплиеры, – сказал Евпатий.

– А кто это такие — тамплиеры? – изумлённо спросил Пельгусий.

– Тамплиеры — это рыцарский орден, основан во Франции. Иначе их называют Орденом бедных рыцарей Христа или Орденом бедных рыцарей Иерусалимского храма. Сами себя эти разбойники зовут «Бедные воины Христа и Храма Соломона». Самый кровожадный из всех орденов. Возник он несколько позже ордена мальтийских рыцарей-госпитальеров. Ордену принадлежат обширные земли в Европе, а также в Палестине и Сирии, а подчиняются они самому папе римскому, – ответил Евпатий.

– Откуда ты всё это знаешь? – поинтересовался Пельгусий.

– В умных книгах писано, да и людей я знавал, которые бывали на землях Франции и Британии, – ответил Евпатий.

– Так что, думаешь, их сам папа прислал сюда? – спросил староста.

– Папа не папа, но не без его ведома они здесь. У католиков одно общее дело: весь мир в свою веру обратить. Думаю, как-то договорились они между собой, – ответил Евпатий.

– Так что теперь делать будем? – спросил Пельгусий.

– Что делать? Для начала нужно понять, на какое количество ополченцев мы можем рассчитывать. Потом, если удастся, выяснить, сколько человек насчитывает их отряд. В Ладоге ходят слухи, что видели большой отряд крестоносцев — более ста копий, — который следовал из окрестностей Пскова в нашу сторону. Завтра пошлю людей проверить посад, а потом совершу рейд по Северной дороге, – произнёс Евпатий.

– В Лесные Дали надо бы людей послать — недалеко они от Бугров стоят. Чего доброго, и туда нагрянут, – предложил староста.

– Да, завтра отправлю туда десять конных дружинников. Пусть посмотрят, что там происходит. Вот что ещё думаю: если они здесь, значит, где-то должны поставить лагерь. Самое

удобное место — район устьев Ижоры и Невы. Там мало селений, много воды и очень неплохая просматриваемая местность. К тому же рядом Ладожский лес, где в случае опасности можно укрыться. Но их там нет: вчера лично проводил там рейд. Где же они ещё могут быть? — спросил Евпатий.

— Может, на старой стоянке Вепря. Мои следопыты ходили туда зимой. Лагеря не было, но место очень хорошее. Там можно спокойно разместить человек двести, а то и больше, — ответил Пельгусий.

— Нужно проверить этот вариант. Только своих людей туда не посылай: рыцари — не разбойники, они обязательно устроят хорошее охранение вокруг лагеря, — предупредил воевода.

— Хорошо. Мне как дальше быть? — поинтересовался староста.

— У тебя же есть, как я помню, жильё в Ладоге? Иди туда. А если ты понадобишься, пришлю к тебе своего человека. Если же узнаешь что-то о судьбе людей из деревни — немедля беги ко мне. А теперь иди, небось утомился с дороги, да и поесть тебе надо, — сказал Евпатий. Пельгусий поклонился и вышел.

— Этого ещё не хватало — храмовники появились. А может, они с самим Гедечином пожаловали? В том году ничего у него не вышло, вот и хочет в этом реванш взять, — сказал себе Евпатий.

Лебяжий острог

В остроге началась суетливая жизнь. С началом строительства нового острога большинство людей находилось там. Лукерья с Глашей, а также Пелагея с Ладой по очереди готовили еду для работников. Из мужчин в остроге постоянно были только отец Евлампий, Митрич, Фирс, Фомка-блаженный и пара дружинников для охраны; остальные все находились на Северной дороге. Лишь охотник Архип каждый день ходил на охоту за дичью.

Этим утром Архип, как всегда, вышел с рассветом и направился в сторону Соснового леса, где всегда водилось много дичи. Он шёл не спеша, любуясь весенним лесом, в котором повсюду просыпалась жизнь. Множество разноцветных птиц кружило вокруг, по деревьям весело прыгали белки, а чуть поодаль пробежал испуганный заяц. Пахло весной. Вдруг он услышал какие-то отдалённые голоса и осторожно пошёл в ту сторону, откуда они доносились. Пройдя около сотни метров, он увидел бредущих по лесу людей. Архип притаился за широким дубом.

– Потерпите, осталось немного, – сказал крупный мужчина.

– Дети оголодали и замерзли ночью, – ответила женщина.

– Ничего, ещё пару часов — и будем на месте. Там согреетесь, и вас накормят. Мир не без добрых людей, Степанида, – пытался успокоить её мужчина.

– Хорошо тебе, Илья, ты вон какой здоровый, – кряхтя, сказала Агрепина. Тут из-за кустов вышел охотник.

– Илья? – удивился он. – Что вы здесь делаете?

– Архип? – тоже удивившись, молвил Илья. – Да, он самый.

– Я вот на охоту вышел, дичи в этом лесу много, – сказал охотник.

– А мы в острог идём. Горе у нас, Архип. Опять эти дьяволы-крестоносцы напали на нашу деревню. Вот все, кто в живых остался, – произнёс Илья.

– Вот как... Ну, пойдёмте тогда в острог быстрее, небось все изголодались, – молвил охотник.

– Есть немного, – сказал Елисей.

– Тогда пошли. Бабка Авдотья вас накормит и обогреет, – сказал Архип и повёл людей в обратную сторону. Через некоторое время они уже были в остроге.

Бабка Авдотья встретила гостей приветливо и сразу повела к столу. Сегодня на Северной дороге дежурили Лукерья и Глаша, поэтому Пелагея и Лада были в её распоряжении.

– Пелагея, быстро носи на стол, а то люди в лесу оголодали, – проворчала бабка.

– Случилось что? – поинтересовалась Пелагея.

– Потом узнаешь, а сейчас бери Ладу и несите еду, – ответила Авдотья.

Вскоре женщины принесли кашу, яйца, хлеб и молоко. Илья и остальные принялись за еду. Пока они ели, их никто не беспокоил, даже подошедший дед Митрич. Бабка Авдотья наказала Пелагее натопить баню, чтобы люди могли отогреться и помыться.

– Ну, рассказывай, Илья, что с вами приключилось? – спросил Митрич. В этот момент в избу вошёл отец Евлампий.

– Что ты, Митрич, пытаешь людей? Дай им поесть, – строго произнёс отец Евлампий.

– Да они уже поели, вот я и интересуюсь, – сказал дед.

– Ну, если поели, то рассказывай, Илья, – сказал батюшка.

– Опять, отец Евлампий, эти дьяволы-крестоносцы напали на нашу деревню. Вот все, кто остался. Еле отбились от них. Только эти какие-то другие были: кресты у них красные на плащах, и речь не немецкая, а тот язык я немного знаю, – сказал Илья.

– Вот как... Нужно оповестить владыку. Сегодня же пошлю ему весточку с голубем, – сказал отец Евлампий.

– Евпатия Пельгусий оповестит. Он как раз в то время у нас был, по поручению посадника приезжал. Я его сразу отправил, чтобы успел предупредить воеводу, – произнёс Илья.

– Хорошо. Отдыхайте. Вечером приедут Никита с Игнатом, тогда и поговорим. Они люди военные, знают, что делать, – сказал Евлампий. – А сейчас Пелагея вам баньку истопит, прогреетесь как следует.

Пелагея натопила баню. Первыми пошли женщины с маленьким Даниилом. Потом парились мужчины.

– Илья, что теперь делать будем? Видно, деревня наша вся сгорела, – спросил Агапит.

– Сейчас по велению владыки и новгородских властей возводят новый острог на Северной дороге. Говорят, гораздо больше прежнего. Думаю, для obsługi люди понадобятся. А потом охотник и скорняк, как ты, им не помешают. Отец Евлампий жалует ремесленников, да и бабы у нас работающие. Вон, когда на той стороне Волхова разбойники Вепря Заречье сожгли, их жителей в острог взяли. Буду просить отца Евлампия, чтобы и нам покровительство своё дал, – ответил Илья.

– А ну поддай пару, Елисей, – попросил Агапит и хлестнул Илью дубовым веником по спине.

– Ох, хорошо. Ещё похлещи, чтобы кожа распарилась, – произнёс Илья.

– Веники у них хорошие, дубовые да берёзовые, – сказал Елисей и плеснул в печь воды.

– Как думаешь, Илья, кто-нибудь ещё в живых остался? – спросил Агапит.

– Думаю, нет. Те, прошлогодние, вороги лютые были, а эти и того хуже. Всех подряд под меч. Когда вы бежали, я собственными глазами видел, как деду Акинфу голову, будто тыкву, на две части разрубили. Рубил тот здоровый, который в моём дворе с нами дрался. Я его оглоблей так саданул, что он в конский навоз свалился, – ответил Илья. Все невольно рассмеялись.

– Так ему и надо, дьяволу пустоголовому. Вот придёт Евпатий с дружиной, выплет им по первое число, – сказал Елисей.

– Мал ты ещё о ратных делах думать. Евпатий придёт... А ты хоть знаешь, сколько их на нашу землю пришло? Не думаю, что это все были. К тому же, если они пожаловали, то обязательно должен быть обоз, и лагерь они где-то разбили, – наставительно ответил Илья Елисею.

– На каком языке они говорили? – спросил Елисей.

– Не знаю. Как шведы лопочут — слышал, как немец гавкает — тоже слышал, а этот какой-то незнакомый, – ответил Илья.

– Значит, какой-то новый враг, нам ещё не ведомый, прибыл с нами воевать. Видели, какое у них оружие дорогое и доспехи хорошие? Видно, богатый хозяин за ними стоит, – сказал Агапит.

– Ты кресты на плащах видел? Так вот, все они одним миром мазаны. Папские выкормыши, и на землю Русскую пришли, чтобы в свою проклятую веру нас обратить. Буслай говорил, что к нашему князю не раз папские посланцы приезжали, книги какие-то привозили, так Александр их в шею выгнал, – произнёс Илья.

– Ну и молодец, что выгнал. И этих, в плащах с крестами, выгонит. Вот увидишь, Илья, – сказал Агапит и плеснул воды в печь. Илья крякнул от удовольствия.

– Ладно, давайте заканчивать. Скоро должен Никита с Игнатом приехать, надо ещё с ними переговорить. А завтра пойдём помогать им со строительством, – сказал Илья.

К вечеру в острог вернулись дружинники и женщины, которые готовили еду. После того как Буслай забрал лошадей в Новгород, приходилось передвигаться пешком, поэтому люди устали. Отец Евлампий рассказал им о набеге крестоносцев. Илья и остальные жители деревни Бугры не дождались разговора, так как за день сильно утомились, и батюшка отправил их отдыхать.

Утром острог проснулся с петухами. На утренней трапезе все встретились.

– Поведал мне отец Евлампий вашу историю. Невесёлая она. Он сказал, что Евпатия оповестят о случившемся? – спросил Никита.

– Да, Пельгусий должен сообщить ему. Думаю, воевода примет меры, – ответил Илья.

– Надо бы ещё в Новгород сообщить, – посоветовал Игнат.

– Послал я голубя, описал всё в общих чертах. Думаю, владыка сегодня получит моё послание, – сказал отец Евлампий.

– Нужно кому-то из нас ехать, подробнее всё рассказать, да и лошадей забрать хотелось бы. Буслай, видимо, закрутился там и позабыл про нас. Плохо без жеребцов, – сказал Никита.

– В любом случае ехать надо. У Евпатия дружина маленькая. Что он будет делать, коли их тьма пришла на нашу землю? Давай, Никита, я пойду со Свиридом. Постараемся вернуться быстро, – предложил Игнат.

– Хорошо, Игнат, отправляйтесь. Думаю, к острогу они не сунутся, да и мужиков сейчас тут много. В случае чего отобьёмся, – сказал Никита и отпил квасу.

– Ну всё, я подкрепился, пойду скажу Свириду, чтобы собирался, – произнёс Игнат и вышел.

– Отец Евлампий, можно я с Агапитом и Елисеем поможем строить новый острог? – попросил Илья.

– Что ж, идите. Лишние руки там не помешают. Сейчас Пелагея с Ладой соберутся, а Никита вас проводит, – сказал батюшка.

Вскоре Пелагея и Лада взяли узелки с едой, Илье дали двухпудовый мешок с овсом, а Агапиту взвалили на плечо коровье бедро.

– Всё, теперь идите, – напутствовала их бабка Авдотья. Они вышли за ворота острога.

– Потом насчёт нас с отцом Евлампием поговорю. Немного поработать надо, чтобы понял, кто мы такие, – прошептал на ухо Агапиту Илья.

– Хорошо, мы ему покажем, на что способны, – улыбнувшись, ответил Агапит.

Лагерь Гедемина

В лагере Гедемина шумно отмечали удачу Ричарда Манфреда. Скотину, которую воины крестоносца нашли в деревне, передали на попечение челяди, прибывшей вместе с воинами и обозом. Вальтер распорядился, чтобы монах по имени Фридрих построил загон для скота и на всякий случай выделил охрану — вдруг хищники захотят полакомиться козлятиной или бараниной. Фридрих был старшим над всей челядью: высокий, угрюмого вида человек, он много не говорил, но все его указания выполнялись чётко и в срок.

Для рыцарей накрыли стол у отдельного костра. Во главе сидел Гедемин. По правую руку от него расположился фон Борк, по левую — Манфред. Далее сели Самюэль и Вальтер. Чаклер и Бардим отбыли в посад, а боярин Алексей отправился в Ладогу.

— Ну, рассказывай, друг мой, как тебе первый поход по русской земле? Понравилось? — спросил Гедемин.

— Так, размялись немного. Вся наша добыча — эта скотина. Деревня маленькая и бедная, да и то, что было, скорее всего, вывезли. Так что поживиться там особо нечем, — ответил Манфред.

— Ещё поживитесь. Скоро наведемся в посад, там народ побогаче, — сказал Гедемин.

— Ты говорил, тут есть ещё одна деревня. Хочу и туда наведаться, — произнёс Манфред.

— Да, есть, та чуть больше. Олаф знает, где она находится. Она недалеко от той, где вы были, ближе к лесу. Если есть желание — наведайтесь, я не против. Только норманна с собой возьмите, — сказал Гедемин.

— Может, и мне кости размять? Что-то давно я мечом не махал. Буду сидеть на месте — растеряю привычку к драке, — спросил фон Борк.

— Как хочешь, Гудвин. Если хочешь позабавиться, думаю, Ричард тебе не откажет, — сказал Гедемин.

— Только будьте осторожнее: эти места таят много опасностей, — предупредил их Вальтер.

— Чего нам мужиков бояться? Они только от нашего вида разбегаются, — произнёс Самюэль.

— Так или иначе, а одного воина вы в деревне потеряли, и убил его простой мужик. В том году эти мужики бок о бок бились с русскими дружинниками, и не за плату, как наёмники. Они свою землю любят, — молвил Вальтер.

— Ричард Манфред никогда ещё не знал поражений, — произнёс Самюэль.

— Да, мой друг, мы с Самюэлем бывали в таких передрыгах, которых врагу не пожелаешь. Помнишь, Сэм, как мы в Испании с маврами дрались? Лихое племя нам попало — до последнего бились. И братьев наших, которые сражались под знамёнами Христа, много там полегло, но всё равно мы их победили, — сказал крестоносец.

— Этот шрам на моём черепе никогда не даст забыть ту битву. Это след от сабли чёрного дикаря, — произнёс гигант.

— Эти мужики не такие кровожадные, Сэм. В тот раз мы можем зайти с двух сторон, чтобы никто не успел убежать. Как раз, мой дорогой Гудвин, ты зайдёшь с одной стороны, а я с другой, — сказал Манфред.

— Выпьем за вашу удачу. Когда думаете выступать? — спросил Гедемин.

— Думаю, дам своим людям денёк на отдых, а послезавтра отправимся. Как называется та деревня? Что-то я запамятовал, — спросил Манфред.

— Лесные Дали, — напомнил Вальтер и поправил палкой костёр.

— Да, Лесные Дали. Чёрт, у них такие названия, что язык сломаешь, — произнёс Манфред.

– Не забудьте взять с собой Олафа. Этот человек может быть вам очень полезен: он хорошо знает эти места, а ещё варяг неплохой воин, как и любой потомок викингов. Его с детства учили искусству убивать, – посоветовал Гедемин.

– Этот Олаф неплохой малый, только шрам на его лице пострашнее, чем у Самюэля. Кто это его так отметил? – спросил Манфред.

– Не знаю, он не рассказывал, я и не спрашивал. Знаю одно: получил он его не на вечеринке в таверне, – ответил Гедемин и взял с костра уже поджарившуюся куропатку. – Угощайтесь, друзья мои, уже готово, можно есть. Все сидящие за столом стали брать с костра дичь.

– В этих русских лесах зверья, видимо, невидимо, – произнёс Вальтер, откусывая аппетитный кусок птицы.

– А меха какие! В том году мы напали на один обоз, который шёл из Пскова. Вы не представляете, каких мехов там только не было: соболь, куница, бобр, енот, лиса, даже две медвежьи шкуры. В Мариенбурге за эти меха мне отвалили целое состояние, – произнёс Гудвин фон Борк.

– Если повезёт, мы тоже потрясём местных купцов. Тут из Новгорода и Ладogi ходят ещё более богатые обозы. Нужно идти на Северную дорогу. В том году я поставил там Вепря, чтобы наводил страх на местных жителей, но разбойник не справился со своей задачей и сложил буйную голову в битве с дружинниками Буслая. Вон, один Олаф из его старого отряда и остался, – сказал Гедемин.

– Кто такой этот Буслай? Что-то о нём ходит много разговоров, – спросил Гудвин фон Борк.

– Новгородский дружинник, который создал нам много проблем. Ты слышал про Ягра? Так вот теперь эта легенда вместе с Буслаем воюет против нас, – сказал Гедемин.

– Это тот самый Ягр, про которого по всей Европе гремела слава? Говорили, что он непобедимый. Некоторые так и называли его «Ягр Непобедимый»? – спросил фон Борк.

– Видно, уже не непобедимый. В народе говорят, что это Буслай побил его, а потом и спас. Об этом спросите у Олафа: он сам дрался с ними на постоялом дворе. Буслай с Ягром вдвоём уложили десять молодцов, а сам Олаф чудом унёс ноги — пришёл в лагерь весь израненный, – ответил Вальтер.

– Я лично насажу его грудь на свой меч, – похвастался Манфред.

– Не зарывайся, дорогой Ричард. Мы уже однажды недооценили его и за это сильно поплатились. Буслай хороший и умный боец, поэтому с ним надо считаться и навязывать ему свои правила. Я не преувеличиваю ни его заслуги, ни его мастерство воина. Я видел этого человека в бою. Вальтер и Олаф не дадут мне соврать. Тем более варяг на своей шкуре попробовал его тяжёлую руку, – сказал Гедемин.

– Ладно, время рассудит, – произнёс Манфред. – Послезавтра выступаем. За удачу! Рыцарь поднял металлический кубок и выпил.

– За удачу! – крикнуло несколько голосов. Рыцари до дна опустошили свои кубки.

Лесные Дали

Евпатий сначала хотел послать в Лесные Дали десять конных дружинников, но потом передумал. Утром он пошёл к городскому старшине Тихомиру, чтобы предупредить его обо всём. Тихомир пообещал усилить охрану города своими людьми. После этого воевода взял двадцать конников и сам отправился в деревню. Прибыл он туда уже после полудня. Жители встретили его приветливо, а навстречу вышел староста деревни Пахом.

– Приветствую тебя, воевода. Какими судьбами к нам пожаловал? – поинтересовался староста.

– Да вот, проведать вас решил, посмотреть, как живёте, – ответил Евпатий.

– Что-то много людей с тобой. Какой рейд, что ли, совершал? – спросил местный кузнец Яков.

– Значит, не знаете ничего? Вчера на Бугры напали крестоносцы. Если они появились в наших местах, значит, и к вам могут пожаловать, – ответил воевода.

– Вот дела... Откуда же они взялись? – спросил староста.

– Сам не знаю. Видел их Пельгусий, говорит, что на плащах у них кресты красные, не такие, как у ливонцев. Эти нелюди всю деревню сожгли. Кто в живых остался — не знаю. Мы только мимо проезжали и видели: кругом пепел и кучи трупов, терзаемых хищными птицами. Некоторые пытались бежать, но так и остались лежать на мёрзлом ковыле, пронзённые стрелами, – рассказал Евпатий.

– Что же теперь делать? – поинтересовался Пахом.

– Что делать — бить их надо. Но искать по лесам злодеев у меня людей не хватит. Думаю, пару дней у тебя посидеть, может, появятся. Хватит продуктов в деревне, чтобы моих людей прокормить? – спросил Евпатий.

– Хватит, прокормим, если дело такое. Вас как, по избам распределить? – поинтересовался Пахом.

– Нет, мы в лесу встанем, чтобы лошадей не было видно. А ты, если ничего не случится, завтра поутру пришли к нам людей с продуктами. А ты, Яков, вижу, среди мужиков человек уважаемый, так что постарайся подготовить их. У кого есть луки — пусть достанут. И вот, возьми этот рог: если придут рыцари, труби в него что есть сил — мы придём на помощь, – сказал Евпатий.

– Хорошо, лёгкие у меня хорошие, – сказал кузнец и с интересом покрутил в руках рог.

Любопытные жители тоже вышли из домов и с интересом разглядывали дружинников. Не часто они посещали деревню. Из избы вышла полногрудая баба с крынкой молока и предложила Евпатию выпить. Он с удовольствием хлебнул тёплого парного молока.

– Спасибо, хозяйшкa, – поблагодарил он женщину.

– Надолго ли к нам? – заискивающе спросила она.

– Да нет, Пахом вам всё расскажет. А нам пора — поедem, чтобы внимания не привлекать. Сдаётся мне, что у крестоносцев и в Ладогe, и в посаде есть свои люди, которые добывают для них сведения, – ответил воевода и махнул рукой, призывая отряд следовать за ним.

– Чего они приезжали-то? – поинтересовалась полногрудая женщина, когда отряд Евпатия отъехал на некоторое расстояние.

– Крестоносцы по округе бродят, предупредил он нас. Вчера Бугры сожгли, – ответил староста.

– Да как же так? Сестра Степанида у меня там, с четырьмя детьми. Ох, горе-то какое... Живы ли остались? Дай Бог, чтобы убежать смогли, – сказала женщина и перекрестилась.

– Успокойся, Варвара. Знаю я твою сестру, не такая она баба, чтобы просто так сгинуть. Уверен, убежала она с детьми. А коли так, нужно послать пару мужиков туда, чтобы посмотрели, что там к чему, – сказал Пахом.

– Пошли, Пахом, пусть глянут. Она такая статная, красивая баба с чёрной косой. Глаза большущие, скулы высокие. Прямо кровь с молоком, – произнесла Варвара и махнула рукой.

– Давай, Пахом, я с Емельяном схожу. А твою сестрицу я знаю — первая красавица в наших местах. Сам к ней когда-то сватался, но видно, не того поля я ягода: выбрала тогда Варфоломея, – сказал Яков.

– Идите с Богом, – произнёс Пахом.

Евпатий с отрядом ушёл в лес. Яков и Емельян отправились в сожжённые Бугры, а Пахом пошёл в свою избу и велел Варваре позвать всех взрослых мужиков деревни. Через некоторое время мужики собрались во дворе у Пахома. Он вышел на крыльцо и не спеша осмотрел всех.

– Видели — дружинники приезжали. Так вот: ворог опять по нашей земле бродит. Вчера Бугры сожгли. Яков и Емельян пошли поглядеть, что эти крестоносцы там натворили. Воевода просил сказать, чтобы были все во всеоружии. Есть возможность, что они снова у нас появятся, – сказал Пахом.

– А сам воевода куда пошёл? Пусть охраняет нас. Хлебушек-то кушают, который мы им отгружаем, – произнёс Ермил, седой сторбленный мужик с рыжей окладистой бородой.

– Дружина, Ермил, одна, а деревень, как наша, может быть тьма-тьмушая. Делайте, как я сказал. А на помощь Евпатий обещал прийти, если что приключится, – ответил староста.

– Значит, это опять крестоносцы? – уточнил Демьян.

– Они, только какие-то другие — с красными крестами на плащах и кровожаднее прежних. Так что если хотите выжить, нужно держаться вместе, – произнёс Пахом.

– Понятно всё. У меня тогда предложение есть, – сказал Демьян.

– Давай, Демьян, говори, – сказал кто-то из толпы.

– Я не думаю, что конные воины из леса на нас пойдут. Поэтому предлагаю сцепить телеги и поставить их при въезде в деревню. Пока они будут пытаться преодолеть препятствие, мы сможем обстрелять их из луков. Благо, нашу деревню Бог охотниками не обидел. Ну а дальше — как получится, – высказался Демьян.

– А дальше, Демьян, Евпатий подоспеет. Правильно. Пошли, мужики, вывезем телеги и сцепим, а потом нужно будет приготовить луки со стрелами, – произнёс Пахом и стал спускаться по ступеням к толпе.

Мужики сцепили телеги и приготовились к встрече неожиданных гостей. К вечеру вернулись Яков и Емельян. Они были поражены увиденным в деревне кошмаром. Первой встречать их выбежала Варвара.

– Ну как? – крикнула она ещё на ходу.

– Успокойся, ни сестры, ни детей мы там не видели. Ильи, их старосты, тоже не было. Может быть, им удалось уйти. Но то, что мы увидели, было ужасно: кровь закипела в жилах. Крестоносцы не пощадили никого, оставили после себя только разруху и пепел, – произнёс Яков.

– Звери! – добавил Емельян.

Утро было тёплым, дул лёгкий ветерок, а небо заволокли густые серые тучи. Староста ещё раз предупредил всех жителей, чтобы были крайне внимательны, поэтому в этот день работой занимались мало. Напуганные люди боялись выходить во двор.

Тем временем беспечный Манфред вёл своих людей к Лесным Далям. Он не обратил никакого внимания на предупреждения Гедемина. Этот храмовник считал себя непобедимым. Он действительно был неплохим воином, участвовал в нескольких походах, неоднократно становился победителем рыцарских турниров. Некоторые даже называли его «король ристалища». Хотя орден предписывал своим членам скромный образ жизни — отказ от мирских развлече-

ний, красивой одежды, мяса, вина, фруктов, — Ричард Манфред жил на широкую ногу и имел даже несколько любовниц в Британии. Гудвин фон Борк, вызвавшийся сопровождать его к Лесным Далям, тоже не был обделён силой и ловкостью. Он также любил праздные развлечения и путешествия. Любимым оружием рыцаря был меч. В своём замке в Мариенбурге он иногда часами оттачивал мастерство со своим учителем Стивом. Отец Стива, Уильям, участвовал в крестовом походе с королём Англии Ричардом Львиное Сердце, в 1189–1191 годах стоял у стен Акры и принимал участие в её осаде. Мать Стива была немкой, поэтому после смерти мужа она взяла маленького сына и перевезла на материк, к своей родне. У Стива были хорошие учителя: его дядька Фридрих, родной брат матери, был наёмником. Он и научил мальчишку боевому искусству. Впоследствии Стив сам стал наёмником. В своё время о нём ходила такая же слава, как в те времена о Ягре. Этот человек был учителем молодого рыцаря уже десять лет. Фон Борк любил его и никогда не расставался с ним.

По дороге они ехали парами. Впереди гарцевали Гудвин фон Борк и Ричард Манфред, за ними — Самюэль и Стив, остальные воины следовали за ними.

— Ну что, друзья мои, впереди вижу дым из труб — должно быть, мы уже почти подошли к цели, — произнёс Манфред.

— Олаф, — позвал Самюэль. Варяг подъехал к рыцарям.

— Эта деревня нам нужна? — спросил Самюэль.

— Да, у леса. А та, в которой мы были позавчера, осталась правее, — ответил Олаф.

— Хорошо, — произнёс Самюэль.

— Как думаешь, успели они предупредить воеводу в Ладогe? — спросил фон Борк.

— Когда мы атаковали, какие-то люди ускакали на лошадях. Думаю, успели. Но не думаю, что воевода будет ждать нас здесь — деревень-то много, — ответил крестоносец.

— Просто Вальтер сказал, что других деревень поблизости нет, основная масса людей живёт в посаде, — заметил фон Борк.

— Да какая разница, фон Борк! С такими воинами, как ты, твой Стив и мой Самюэль, мы и с самим дьяволом справимся, — произнёс Манфред и рассмеялся.

— Не терпится мне свои суставы размять, — молвил Самюэль.

Приближающийся отряд крестоносцев с вышки заметил Егор, которого ещё утром поставил туда Пахом. Он не стал бить в било, а быстро спустился и доложил обо всём Пахому. Староста, в свою очередь, оповестил всех мужиков. Они прибежали на окраину деревни, где стояли сцепленные телеги, и приготовились к отражению врага. Пахом, чтобы не поднимать раньше времени шум, наказал Емельяну бежать к воеводе и предупредить его о наступлении врага.

— Без моей команды не стрелять, — предупредил Пахом.

Тем временем отряд Манфреда уже подъезжал к деревне.

— Что это за крепость такая? — спросил фон Борк, увидев нагромождение телег на въезде.

— Видно, кто-то предупредил их о нашем нападении на Бугры, — сказал Самюэль.

— Что-то не видно никого. Может, они все ушли из деревни? — спросил Манфред.

— Нет, здесь они. Гляди, как трубы дымят, — сказал фон Борк и показал рукой на дым.

— Ну чего расселись? Убирайте телеги с дороги! — скомандовал Самюэль. Несколько человек соскочили с лошадей и пошли к телегам.

— Дьявол, они сцеплены цепями, — сказал один из воинов.

— Что будем делать? — спросил другой.

Пахом с людьми сидел в засаде и ждал. Он не хотел раньше времени себя обнаруживать. Нужно было дать время Емельяну, чтобы оповестил воеводу.

— Когда начнём? — прошептал Яков.

— Подожди, когда будут телеги расцеплять, тогда и начнём, — ответил Пахом.

— Ну, чего вы там копаетесь? — прокричал Манфред.

– Телеги сцеплены цепями. Нужна помощь, чтобы сдвинуть их в сторону, – ответил один из воинов.

– Эй, ещё люди, давайте быстрее, помогите! – закричал Самюэль. Ещё несколько человек спрыгнули с лошадей и пришли на помощь товарищам.

В этот момент в воинов Манфреда полетели стрелы. Несколько человек упало. Люди засуетились, в рядах крестоносцев началась паника.

– Засада! Мы попали в засаду! – закричал кто-то.

– Вперёд! – скомандовал Манфред и спрыгнул с коня. Самюэль тоже спрыгнул и, прикрыв щитом хозяина, последовал за ним.

Крестоносцы начали перелезать через телеги, но их вновь накрыл град стрел. Двое воинов повалились на землю.

– Вперёд! За мной! – крикнул Самюэль и первым перескочил через телеги. Во дворе его встретили несколько человек с вилами.

– Дик, Фаррел, ко мне! – заревел Самюэль и кинулся на мужиков, яростно работая мечом.

Завязалась битва. Мужиков было больше, чем в прошлый раз в Буграх, да и враспloch их не застали, поэтому они оказывали серьёзное сопротивление. Но тут ещё несколько воинов успели перелезть через телеги и стали теснить крестьян. Однако в этот момент с воинственными криками из-за деревни выскочили конные воины Евпатия. Емельян провёл их в обход деревни.

– Мы в ловушке! – закричал Стив и бросился на помощь своему хозяину.

Превосходящие силы воеводы стали теснить рыцарей и их людей с дороги в топкую грязь. Те, кто успел перелезть через телеги, полезли обратно к лошадям. Мужики побежали за ними и стали тыкать врагов вилами и рубить топорами. Те, кого звали Дик и Фаррел, остались лежать мёртвыми на телегах. Самюэль успел перелезть, но был задет вилами в руку — остриё прокололо плечо. Он, пересилив боль, прыгнул на коня. Евпатий схватился с Манфредом, тот умело защищался. Опытный Стив, сделав пару искусных финтов мечом, проткнул одного ратника. Фон Борк тоже успел зарубить одного дружинника, пробив боевым топором его шлем. Крестоносцы потеряли уже девять человек. Мужики продолжали атаковать тамплиеров вилами.

– Манфред, надо уходить! Их слишком много, они уничтожили уже половину нашего отряда! – закричал ему Гудвин фон Борк.

– Сейчас, я разделаюсь с их воеводой, и тогда уйдём, – прокричал тот в ответ и ударил мечом сверху. Евпатий отвёл удар в сторону и ответил. Меч полоснул Манфреда по руке, из которой тёплой стружкой потекла кровь. В этот момент к нему подскочил Стив, и Евпатию пришлось немного отойти назад.

– Уходим, а то все здесь ляжем, – крикнул он и схватил поводья лошади Манфреда.

Видя, как убегают рыцари, воины Манфреда пустились за ними. Тут выскочил на дорогу кузнец Яков с луком в руке. Он выдохнул, натянул тетиву и плавно спустил её. Стрела пробила шею одному из храмовников. Тот рухнул с лошади.

– Победа! – закричал Пахом.

– Победа! – поддержали его мужики.

Когда рыцари скрылись, Евпатий стал подсчитывать потери. Его отряд потерял двух дружинников. Среди мужиков погибших не было, но трое получили ранения. Манфред потерял девять человек убитыми, ещё один воин был лишь оглушён и вскоре пришёл в себя.

– Хорошо, одного в плен взяли. Привезём в Ладугу — всё узнаем, – сказал Евпатий. – Семён, свяжите его и посадите на лошадь.

Воины Евпатия привели трофейных лошадей, погрузили на них доспехи и оружие убитых врагов. Три меча они оставили мужикам. Душевно попрощавшись, они отправились в Ладугу.

Двоих дружинников, Борислава и Хлопушу, Евпатий послал в острог, чтобы они оповестили Никиту о том, что произошло в деревнях.

Северная дорога

Утром следующего дня в острог прибыли Хлопуша и Борислав, посланные Евпатием к Никите. Их встретил отец Евлампий. Дружинники рассказали ему о причине своего появления, но оказалось, что Никита и Игнат находятся на Северной дороге на строительстве. Дружинники решили последовать туда. Когда они прибыли к месту строительства, работа была в самом разгаре. Фёдор и Шемяка занимались работами в часовне, остальные жители уже возводили срубы, а новгородские работники почти закончили со стеной. Пелагея и Лада кашеварили у костров, им помогали ещё две бабы, присланные из Новгорода. Вскоре Никита увидел прибывших к нему дружинников.

– Хлопуша! – воскликнул Никита. – Ты!

– Я это, я. Давно не видел тебя. Вот, прибыли к тебе с поклоном от Евпатия, – произнёс тот. Дружинники обнялись.

– И тебя рад видеть, Борислав, – сказал Никита и пожал ему руку. Тут подошёл Игнат и тоже поздоровался с дружинниками.

– И что же Евпатий хотел нам важного передать, коль таких важных людей ко мне посылает? – спросил десятник.

– Да вот, ворог опять объявился в наших местах. Хотим вас предупредить. Беспokoится о вас Евпатий. Помнит добро и тепло, которым вы его когда-то окружили. Он говорит: долг платежом красен, – ответил Борислав.

– Знаем мы о вороге. Спасибо, конечно, Евпатию, но к нам пришли люди из Бугров. Рассказали всё о беде, которая их постигла, – сказал Никита.

– Как?! Там живые остались? – удивился Хлопуша.

– Остались, и немало. Эй, Илья, подойди сюда, – позвал мужчину Никита. Илья подошёл к дружинникам.

– Вот, Илья из Бугров, – сказал Игнат.

– Евпатий прислал людей, чтобы оповестили нас о крестоносцах, – сказал Никита и показал рукой на дружинников. Илья поклонился в знак приветствия.

– Вы были в деревне? – спросил он.

– Да, были. Кругом только трупы и пепелище. Звери — даже детей не пощадили. Они за это ответят. Князь придёт с дружиной и уничтожит их всех до единого, – сжав зубы, произнёс Илья.

– Правильно сказал — звери, другого названия нет. Как же вам бежать удалось? – спросил Хлопуша.

– Ну как... Дрались мы, отбились кое-как, а женщинам с детьми я сразу сказал в лес бежать. Там Марфа и Степанида — бабы бойкие, им сто раз повторять не надо. У одной двое, у другой четверо. Ещё тётку Агрепину и подростка Елисея с собой взяли. А мы с Агапитом, охотником нашим, чудом ушли. Больно много их было, – ответил Илья.

– Могу тебя немного успокоить: вчера мы им как следует надрали уши. Пожаловали они в Лесные Дали. Хорошо, Евпатий сообразил и решил пару дней там постоять. И мужики молодцы — приготовились. Только эти какие-то другие, не как в том году. У этих кресты на плащах красные, и шлемы другие, и говорят как-то иначе. Немца-то я понимаю, – сказал Хлопуша.

– Что, совсем победили их? – спросил Илья.

– Девять убитых и одного в плен взяли. Евпатий повёз его в Ладогу. Там допросит — тогда дальше ясно будет, что делать, – ответил Борислав. В этот момент к ним подошёл Агапит и поприветствовал дружинников.

– А вот и Агапит, он со мной был, – сказал Илья и похлопал мужика по плечу. – Вот, дружинники от воеводы прибыли, радостную весть привезли.

- Какую? – поинтересовался Агапит.
- Побили тех зверюг, что нашу деревню сожгли, – ответил Илья.
- Гореть им в аду, – сказал охотник.

Ну ладно, сегодня мы у вас заночуем, а завтра отправимся в Ладогу. Вы не против? – спросил Хлопуша.

– Сейчас все люди здесь живут. В остроге только старики, бабы, дети да охрана, так что места там много. Можете хоть сейчас, – сказал Игнат.

– Да мы ещё посидим с вами, посмотрим, как работы идут. Погода больно хорошая, тёплая, в избе сидеть не хочется, – ответил Хлопуша.

– Ну, дело ваше, смотрите. А я пойду, посмотрю: там сейчас бойницу делают, – сказал Никита и пошёл подниматься на стену. Игнат отправился за ним, а дружинники пошли к костру, где Пелагея командовала Ладой и новгородскими бабами. Туда же только что подошёл Дар.

– Пелагея, можно тебя отвлечь ненадолго? – спросил Дар. Женщина лукаво посмотрела на него и улыбнулась.

– Ну, пойдём, – ответила она. Они отошли в сторону. Севшие у костра дружинники с любопытством посмотрели на них — может, просто оценили достоинства привлекательной пышногрудой женщины.

– Пелагеюшка, я опять хочу спросить тебя про нашу свадьбу. Нет сил больше терпеть — любя ты мне, – с пылом выпалил Дар.

– Ну вот, острог достроите, а потом и сватайся на здоровье, – произнесла женщина.

– Траур у тебя кончился? – спросил Дар.

– Траур у меня давно кончился. Егора не вернуть, жалко его, конечно. Знаешь, Дар: когда любишь человека, а потом он уходит из жизни, траур можно всю жизнь носить. А Егор, хоть и был хорошим человеком, но не любила я его по-настоящему. Хворый он был какой-то и не шустрый совсем. А вот ты — другое дело, мужик-огонь. Возьмёшь бабу в руки — так тело трепещет всё. Я тоже тебя люблю, Дар. Потерпи, милый, ещё немного. В новом остроге свадьбу и справим. Это будет первый праздник в остроге. Буслая с Дашей из Новгорода позовём, Софью с Ягром, – ответила Пелагея.

– Даша-то уже на сносях, если уже не родила. Так она к тебе с дитём малым и пожалует, – сказал Дар.

– А точно, Даше рожать пора. Интересно, как там Софья? Ягр-то, наверно, тоже её обрюхатил? – сама себя спросила женщина.

– Может, и обрюхатил. Дело-то молодое, – сказал Дар.

– Ладно, обрюхатил — не обрюхатил, иди работай, а мне готовить вам еду надо. А то из-за твоей болтовни люди голодными останутся, – сказала Пелагея и пошла к костру, а Дар отправился к мужикам. Те как раз пытались поднять бревно. Он подбежал к ним и взялся за толстый край.

– Раз, два — взяли! – крикнул Калаш. Бревно точно легло в пазы.

– Если так будем трудиться, то управимся быстрее сроков, которые отвёл владыка, – сказал Мотыль, вытирая ладонью пот со лба.

– Это точно. Сейчас новгородские строители дня через три со стеной закончат и нам помогут. Думаю, до середины мая управимся, – сказал Калаш.

– Да, а потом ещё целую неделю вещи будем носить, – произнёс Спирька.

– Не только вещи. Ещё сани, повозки, скотину, птицу и полно всякого хлама, – добавил Мотыль.

– Ладно, пошли к костру, вон уже Пелагея есть зовёт, – сказал Калаш, воткнул топор в бревно и направился к костру. Все работники последовали за ним.

Лагерь Гедемина

К вечеру Манфред и остатки его отряда возвратились в лагерь Гедемина. Крестоносец не ожидал такого поворота событий и был в подавленном состоянии. Его мозг отказывался трезво оценивать ситуацию, им двигало только чувство мести. Гедемин разочарованно посмотрел на остатки отряда Манфреда.

– Я тебя предупреждал, доблестный Манфред, что этих русских нельзя недооценивать. Ты попал в ту же ловушку, в которую когда-то попал я сам, – с иронией произнёс Гедемин.

– Я расправлюсь с этим воеводой и отомщу за смерть своих людей, чего бы мне это ни стоило, – сказал Манфред.

– У тебя на руке кровь — ты ранен? – спросил Гедемин.

– Ерунда, это только царапина, – ответил крестоносец.

– Пусть Ганс осмотрит его. Вальтер, позови лекаря, – распорядился рыцарь. Манфреда отвели в палатку лекаря, сняли доспехи, и Ганс принялся осматривать рану.

– Рана неглубока, слава Богу, но её нужно обработать и перевязать, чтобы не началось заражения. В этих русских лесах очень сыро: от малейшей царапины может произойти заражение, – произнёс лекарь.

– Давай, мажь, если надо, – сказал Манфред.

– Придётся немного потерпеть — сейчас будет больно, – сказал лекарь и полил рану какой-то жидкостью. На разрезе выступила пена. Манфред издал лёгкий стон. – Вот и всё. Сейчас намажу чудодейственным бальзамом и перевяжу. Всё заживёт за несколько дней.

Через несколько минут Манфред вышел из палатки, распорядился отнести свои доспехи в шатёр, а сам пошёл к Гедемину.

– Ну что, обработали тебе рану? – поинтересовался рыцарь.

– Я же говорил, что это царапина. Ганс чем-то помазал и перевязал, сказал, что скоро не останется и следа, – ответил храмовник.

– Ну и слава Богу, что всё так легко обошлось. А воеводу Евпатия мы всё равно разобьём. Думаю, Чаклер не замедлит прислать к нам гонца с новостями. Сейчас, после вашего нападения, воевода, скорее всего, попытается совершить несколько рейдов вдоль побережья и в местах наиболее вероятного появления врага. В лес он не сунется. Чаклер сообщит, когда и какими силами он выйдет из города, — вот тогда мы и нападём. Поверь мне, шпион своё дело знает. Я думаю, он уже в курсе всего и проводит разведку, – сказал Гедемин.

– Я непременно должен участвовать в этом походе. Во мне вся кровь кипит. Пока я не отомщу, чувство ярости не покинет меня, – произнёс храмовник.

– Хорошо, Манфред, я возьму тебя с собой, как и нашего дорогого фон Борка, чтобы вы оба смогли увидеть, как этот воевода сделает свой последний вздох, – сказал Гедемин.

– Благодарю тебя. Клянусь, на этот раз я не растеряюсь. Я сам всажу меч в этого человека, – с глазами, полными ненависти, произнёс храмовник. В этот момент в шатёр вошёл Вальтер.

– Будут какие-то распоряжения? – спросил он.

– Если есть раненые, пусть им окажут помощь. Смотри, чтобы люди не расслаблялись: скоро, возможно, придётся выступать. В лагере останутся монахи и вся челядь, а также отбери десять воинов для охраны. Остальные выступят со мной, когда придут новости от Чаклера, – ответил командир.

– Хорошо, сейчас пойду отберу людей и подготовлю остальных, – сказал Вальтер, поклонился и вышел из шатра.

– Толковый малый этот твой Вальтер, – произнёс Манфред.

– Да, он давно мне служит. У меня нет к нему нареканий, к тому же он предан мне и нашему ордену, – сказал Гедемин.

– Если ты хочешь взять весь отряд, то мы будем не так быстры. Это не помешает? – спросил Манфред.

– Тут идти недалеко. Моё предчувствие подсказывает, что он пойдёт либо к побережью, либо к той деревне, где вы получили отпор. Выступит он конным отрядом. Боярин Алексей сказал, что в дружине Евпатия около полусотни конников. Остальные — ополченцы. Но скажу: ладожские ополченцы — народ опытный. В случае опасности они смогут собрать триста копий в короткий срок. А вообще их наберётся гораздо больше. Русские долго запрягают, но быстро скачут. У них даже пословица такая есть, – ответил Гедемин.

– Ладно, будем ждать новостей. А сейчас пойду отдохну, что-то утомился я за день, – произнёс Манфред и вышел.

У костра сидели Непея и Финн. Финн крутил вертел с насаженной на него молодой ланью, которую люди Гедемина подстрелили накануне в лесу, а Непея подкладывал дрова. Тут к ним подошёл Олаф.

– А, дружище, это ты? Ну, рассказывай. Вижу по лицу — неудача снова вас постигла. Что на этот раз случилось? – спросил Финн, отрезал ножом кусочек лани и попробовал.

– Что говорить... Этот Манфред слишком самовлюблённый и самоуверенный человек. Он не предпринял никаких мер безопасности, за что и поплатился. Половина его хваленых людей остались лежать в ковыле. Хорошая добыча достанется воронам, – ответил варяг.

– Да, я тоже заметил, что он упрямый, а главное — никого слушать не хочет. И тот здоровяк, Самюэль, ему поддакивает, всё расхваливает своего господина и уверяет в его непобедимости, – сказал Финн.

– Не знаю, что нам с тобой здесь светит, Финн. С тех пор как я попал на эту проклятую землю, меня преследуют сплошные неудачи. С Ольгертом нас разбили, с Вепрем побили ещё сильнее, да и крестоносец удачи не принёс. Может, к шведу податься? Я тут случайно подслушал разговор Манфреда с Гедеминем накануне. Так вот, говорили они, что летом шведы хотят идти на Новгород. И сила у них огромная. Эрих Картавый по всей стране гонцов посылал, а также в Данию и Норвегию. Рыцари ждут не дождутся, когда его святейшество папа команду даст, – предложил Олаф.

– Ты там свой, а я с какого бока буду? – спросил Непея.

– Какой я свой? Я житель прибрежных земель. Мы, горцы, испокон веков занимались разбоем на море и не подчинялись их власти. Вольные мы люди, – ответил Олаф.

– Вольные до поры до времени. Вон, уже почти всю Финляндию швед покорил. Я тоже когда-то вольным был, а потом успел и на галере поплавать, и на каменоломне камешки покидать. Так что всё равно нужно серьёзно к кому-то прибиваться. А сейчас сила только у немцев и шведов — не к татарам же идти. Это люди другого понимания жизни, – произнёс Финн.

– К крестоносцам я не хочу: у них слишком жёсткие законы и они дотошны в вопросах веры. Я хоть и датских кровей, но христианство не принимал. Моё племя поклоняется Одину, древнему скандинавскому богу. Так что мне с этими людьми не по пути. Финн, а может, мы с вами создадим свой отряд? Смотри: швед придёт, хаос посеет, а мы под шумок своё дело делать будем. Новгородской дружине, думаю, будет не до нас, – предложил Олаф.

– А если Александр разобьёт их, тогда что? – спросил Непея.

– Ну что? Уйдём в леса и будем потихоньку контролировать Северную дорогу. Только продумаем всё хорошо, не как у Вепря. А у тебя, Финн, голова отлично варит, – похвалил варяг разбойника.

– Спасибо, что хорошо обо мне думаешь. Но лучше скажи: где мы наберём людей в отряд? Нужно немного — человек двадцать, но только хороших, подготовленных, а не дармоедов, – сказал Финн.

– Можно сходить на финские земли, которые швед ещё не подмял под себя. А можно — к озеру Ильмень, где вы когда-то с Лисом хозяйничали, – ответил Олаф.

- Думать надо. И о нашем разговоре никому ни слова, – произнёс Финн.
- Немец-то по-русски ни черта не понимает. Говоришь им что-то, а они в ответ только глазами хлопают да улыбаются, – сказал Олаф.
- Гедемин и Вальтер говорят достаточно хорошо, так что при них молчи. Иначе, если они прознают про наши мысли, без всякой жалости на осине подвешат, – предупредил Финн.
- Ладно, Финн, я нем как рыба. И знай: если что — я с тобой, – произнёс Непея.
- Я тоже. Куда нам теперь друг от друга, – согласился Олаф.

Ладожский посад

Чаклер и Бардим уже находились в Ладожском посаде. Они пришли туда пару дней назад вечером, чтобы не привлекать внимания. В самом посаде сейчас народу было немного, так как снег почти сошёл и начались активные полевые работы. Ремесленников в посаде жило мало, потому что большинство мастеров стремилось перебраться в город, хотя Ладога славилась своими умельцами на всю Русь. Чаклер и Бардим поселились на том же постоялом дворе, что и прежде. Их появление не вызвало у хозяина никаких подозрений: для него они оставались паломниками, прибывшими на новгородскую землю со святыми миссиями по приглашению архимандрита.

Утром они, по обыкновению, спустились в зал и сели за свой любимый столик. По просьбе Бардима им принесли яичницу из перепелиных яиц, молоко и хлеб.

– Сейчас поедем и пойдём к Малюте. Ты хорошо запомнил, где он поселился? – спросил Чаклер.

– Да, его дом у самой реки, на окраине. Там какая-то старая карга предложила ему место. Только незадача: бабка назвала его не Малютой. Сейчас будешь смеяться — этот злодей представился ей Буслаем, – ответил Бардим.

– Действительно смешно, – едва улыбнувшись, произнёс Чаклер.

– А зачем он нам нужен? Ты хочешь его потихому убрать? – спросил Бардим.

– Думаю привлечь его к нашему делу, – ответил Чаклер.

– А если не согласится? – поинтересовался Бардим.

– Хочу взять его на испуг. Он, по всей видимости, здесь отсиживается. Грех на нём большой. Если Гедемин узнает, что он здесь, с живого кожу снимет. В Новгород и Ладогу ему тоже нельзя: там у него проблемы с властями. Помнишь, он рассказывал, что у самого владыки крест стащил, потому и подался в леса. В Новгороде его могут узнать. Серебра, которое он тогда взял у Гедемина, было не очень много; основную часть он спрятал. Главное богатство — украденный крест, подарок самого папы. Но такую вещь незаметно не продашь. Ему же надо на что-то жить. Думаю, за зиму его карманы сильно оскудели. Поэтому мы его купим, а когда придёт время — уберём и заберём крест. Только при разговоре про крест не намекай, делай вид, что знаем только о серебре. Понял? – спросил Чаклер.

– А что он делать-то будет? – спросил Бардим.

– Ты что, сам будешь на дороге сидеть, ждать, пока Евпатий появится? Пошлём его — он и будет наблюдать, – произнёс Чаклер. – Кстати, очень хорошо, что он живёт на окраине у реки: там же хорошо просматривается дорога от Ладоги.

– Да, там как раз дорога расходится на три направления: в посад, по мосту через реку, к устью Невы и на Северную дорогу, – уточнил Бардим и отпил большой глоток молока.

– Вот и хорошо — не придётся ему новое место искать. Он мужик жадный и к тому же понимает, что сейчас ему идти некуда, – сказал Чаклер и отломил маленький кусок хлеба.

В этот момент в зал вошли трое. По виду — зажиточные горожане, возможно ремесленники. Верховодил крупный мужик с большой окладистой бородой. Он сел за стол, его товарищи последовали примеру. Тут подошёл хозяин постоялого двора.

– Уважаемый, у Семёна, моего друга, сегодня сын родился. Хотим отметить. Принеси нам кабанчика, куропаточку, капусты покислее и медку соответственно, – сказал мужик с бородой.

– Я мигом, – угодливо произнёс хозяин и скрылся.

– Фома, твоя-то баба тоже на сносях — скоро ещё повод будет, – заметил маленький мужичок.

– Не говори, четвертый у меня уже, – ответил мужик с бородой по имени Фома.

– Новый рот — больше забот, – сказал Семён и улыбнулся.

– Это точно. А вы слышали, что тут недавно произошло? Крестоносцы опять в наших краях объявились, да необычные какие-то — с красными крестами на плащах. В том году другие были. Но не это главное: воевода с дружиной встретился с ними и уши им надрал. Эти звери деревню Бугры сожгли — говорят, один пепел остался. Людей не пощадили: и старого, и малого резали, как ягнят, – сказал Фома.

– Когда же мир и покой на нашей земле будут? – спросил маленький мужичок.

– Не будет покоя. Немцу и шведу шею свернём — монгол придёт. Вот так-то, Макар, – ответил Фома.

– Ну а воевода-то где их одолел? Что-то я не слышал об этом, – спросил Макар.

– Когда вам с Семёном было слышать? Третий день пьёте без удержу. Если бы Глафира не прибежала к моей жене, так и разродиться ей никто бы не помог, – сказал Фома. Тут подошёл хозяин и услужливо подал на стол заказанное.

– Приятного аппетита, уважаемые гости, – сказал он и, поклонившись, удалился.

– Давай выпьем за твоего дитя, Семён. Чтобы росло здоровым и удачливым, – сказал Фома и хлебнул мёда.

– За тебя и твою семью, Семён, – произнёс Макар и тоже отпил глоток.

Чаклер и Бардим сидели в своём углу и внимательно слушали болтовню вошедших. Чаклер быстро уловил суть разговора. Он знал, что англичанин грозился навести хаос в окрестностях и громко хвалился боевыми успехами. И вот теперь, со слов мужиков, получалось, что его обещания — пустая болтовня. Шпион откусил ещё хлеба, запил молоком, а потом встал из-за стола.

– Пошли, – сказал он. Бардим поднялся и, надвинув клобук на лицо, пошёл следом.

Они вышли во двор. Пахло весной, капель почти прекратилась, слышалось весёлое щебетание птиц. Чаклер вдохнул свежий воздух.

– Хорошо-о, как хорошо, – потянувшись, сказал он. Они не спеша вышли за ворота.

Бардим вёл Чаклера какими-то переулками. Дорога была плохая и мокрая, глина прилипла к ногам. Петляли они минут пятнадцать и наконец Бардим остановился у плетня одного из дворов.

– Вон тот, что у реки, — его дом, – произнёс он. От реки поднимался туман, и на его фоне маленький домик казался нарисованным на холсте.

– Пошли, только осторожнее, чтобы раньше времени не спугнуть. Малюта — хитрая лисица, и чутьё у него, как у барсука, – сказал Чаклер и осторожно направился к дому.

Они подошли. На дворе никого не было, только на верёвке висело постиранное бельё и одежда. Они аккуратно вошли в калитку и, прячась за бельём, подкрались к дому.

– В эту дверь он входил в прошлый раз, – прошептал Бардим и указал на дверь.

Чаклер подкрался к окну и заглянул. Спинай к нему сидел человек и что-то ел. Он вернулся к Бардиму и сделал жест, чтобы тот следовал за ним. Они переглянулись, и Чаклер резко открыл дверь. От скрипа сидящий человек оглянулся, кусок застрял у него в горле, он не мог вымолвить ни слова — только в глазах появился неподдельный страх.

– Ну, привет тебе, Буслай, – с иронией произнёс Чаклер.

– Вы? – немного придя в себя, спросил удивлённый Малюта.

– Как видишь, друг мой, как видишь, – ответил Чаклер.

– Как вы меня нашли? – спросил он и потянулся к подоконнику, где лежал нож.

– Малюта, не делай лишних движений. Ты же знаешь: обвести меня не так просто. А как нашли? Мы тебя и не теряли — только ждали момента, когда ты мне понадобишься. Теперь ты чувствуешь мою благосклонность. Я не сдал тебя Гедемину, хотя мог легко это сделать давно, – произнёс Чаклер.

– Если вы пришли за крестом крестоносца, то у меня его нет. Его вырвал у меня Буслай ещё в том году. Он появился здесь, я встретил его на рынке, он узнал меня и схватил. Мне удалось вырваться, а крест, к сожалению, остался у него, – попытался оправдаться Малюта.

– Нет, Малюта, нас не интересует крест Гедемина. Более того скажу: я здесь не по его велению. Он про тебя ничего не знает. Я предлагаю тебе работать на меня. То серебро, которое ты украл, скоро кончится, а зная твою жадность, думаю, ты не откажешься подзаработать, – произнёс шпион.

– А что делать надо? – поинтересовался разбойник.

– То, что ты умеешь: следить и всё увиденное докладывать мне, – произнёс Чаклер.

– Только не пытайся бежать. Ты видишь, какие у нас длинные руки, – понимая, какую игру ведёт Чаклер, пригрозил Бардим.

– За кем хоть следить-то? – поинтересовался Малюта.

– За твоими старыми друзьями — дружинниками. Твой домик как раз в очень удобном месте, на пересечении дорог. Как только дружина Евпатия появится на дороге, твоя задача — прийти на постоянный двор к Ануфрию. Знаешь такого? Это недалеко от рынка. Там попросишь позвать паломников. К тебе выйдет Бардим. Вся информацию передашь ему, – сказал Чаклер.

– Хорошо, приду. Видно, такая моя судьба — с вами в одной упряжке быть, – произнёс Малюта.

Чаклер и Бардим вышли из избы. Некоторое время шли молча. Когда вышли на главную дорогу, Чаклер стал сбивать с сапог прилипшую грязь. Бардим последовал его примеру.

– Думаю, теперь этот человек от нас никуда не денется. Ты видел, как он был напуган? – спросил Чаклер.

– Видел. Только ты не боишься, что рассказал, где мы живём? Он может нас просто сдать, – ответил Бардим.

– Не сдаст. Его самого все ищут. Где он ни появлялся — везде успел нагадить. Так что он не сдаст, а наоборот, будет держаться, – произнёс Чаклер.

– Ну, тебе виднее. Что будем делать дальше? – спросил Бардим.

– Пойдём на посадский торг, купим лошадь. Гедемин велел и специально дал серебра. На лошади тебе будет сподручнее и быстрее добираться до лагеря. А сейчас от времени очень многое зависит, – произнёс Чаклер.

– Это да, – вздохнув, молвил Бардим.

Ладога

Евпатий сидел в своём тереме и смотрел в окно. Вид из него открывался на собор святого Георгия Победоносца. Воевода любовался храмом и думал о том, как хорошо судьба связала его с этим прекрасным городом и хорошими людьми. Если углубиться в историю, город располагался на левом берегу реки Волхов. С древних времён Старая Ладога славилась производственными и судоремонтными мастерскими на Земляном городище. Город был хорошо укреплен, а по богатству не уступал самому Великому Новгороду. Новгород видел в Ладоге защитника и не скупился на поддержку. Расцвет Ладоги пришёлся на двенадцатый век: тогда крепость обновили каменными строениями, а в городе появились пять каменных церквей — такого на тот момент не знал даже Новгород. В южной части крепости величаво высился собор святого Георгия Победоносца. Он представлял собой четырёхстолпный трехапсидный храм. Церковь сложена из чередующихся рядов известняковых плит и кирпичей на известняковом растворе. Барабан увенчан шлемовидной главой. В западной стене устроен узкий проход на хоры. Внутри храм украшали фрески, выполненные греческими и местными мастерами. Одна из них — «Чудо Георгия о Змие»: на ней Георгий не убивает чудовище копьём, а ведёт его на поводке «как послушного пса».

От мыслей и внутренних эмоций воеводу оторвал вошедший слуга. Он доложил о прибытии Хлопуши и Борислава.

– Пусть зайдут, – сказал воевода и подошёл к столу. В зал вошли дружинники. Одежда на них была в комьях прилипшей дорожной грязи, лица тоже испачканы.

– Вот, воевода, это просил передать Никита, – сказал Хлопуша и передал Евпатию свиток. Воевода развернул послание и начал читать. Никита благодарил его за предупреждение, а также сообщал, что в Новгород поедет человек с посланием к владыке и князю.

– Что ж, вовремя вы прибыли и вести хорошие привезли. Никита обещал послать человека к владыке, чтобы поведал о появлении на наших землях крестоносцев. А я собираюсь совершить рейд вдоль побережья. Где-то эти звери должны были встать лагерем. Если на побережье их нет, значит, прячутся в ладожских лесах. Но для этого им нужен хороший проводник и люди в городе, которые могли бы их координировать. Не просто так они пошли в дальние деревни — там взять почти нечего. Другая цель у них на нашей земле, – произнёс воевода.

– Мы готовы выступить с тобой, воевода, в любой момент, – сказал Борислав.

– Я не сомневаюсь в вашей доблести и преданности. Завтра отдохните, а послезавтра готовьтесь выступить со мной. Мы точно не знаем их численности. Если кто обратил внимание, среди них были два тевтонца — у них плащи с чёрными крестами, — а также один наш старый знакомый, одноглазый варяг. В том году мы с ним встречались. Поэтому думаю, что это не все их силы. Пойдём конным отрядом в тридцать человек. Хлопуша, ты подготовь людей, а ты, Борислав, прикажи усилить охрану города, – сказал Евпатий.

– Всё будет исполнено наилучшим образом, – произнёс Хлопуша.

– А теперь ступайте и помойтесь, а то на вас одна дорожная грязь, – улыбнувшись, произнёс Евпатий.

– Так распутица же, – молвил Борислав.

– Идите уже, мойтесь, – сказал воевода, и дружинники направились к выходу.

Жилище боярина Алексея находилось недалеко от Успенского собора — главного православного храма Свято-Успенского девичьего монастыря. Домик его был небольшим и ничем не примечательным. В своё время его приобрёл Сидор, бывший ключник боярина. Когда боярин впал в опалу князя и новгородских властей, Сидор не покинул хозяина и служил ему верой и правдой. Ключник был единственным человеком, которому боярин мог доверять. Алексей

сидел у окна и, любуясь видами монастыря, ожидал прихода Сидора. Вскоре тот вошёл в горницу.

– Звал, боярин? – спросил он.

– Да, дружок, звал. Хочу поручить тебе дело особой важности: необходимо передать одну информацию в Новгород. Но писать послание не могу, потому что если эти сведения попадут в чужие руки и дойдут до новгородского князя, полетит много голов — в том числе и наши с тобой. Поэтому запоминай. Тебе нужно попасть к новгородскому посаднику. Где он живёт, ты знаешь. Передай следующее. Во-первых, скажи, что поход намечен где-то на середину лета — он поймёт, о чём речь. Во-вторых, передай, что Гедемин на месте и ждёт от него полезной информации через доверенного человека по имени Судислав. Только через него и никого более, потому что никто, кроме него, не знает места нашего пребывания. Всё понял? – спросил боярин.

– Да, понял, боярин. Когда нужно выдвигаться? – поинтересовался Сидор.

– Возьмёшь во дворе коня, которого я давеча приобрёл. Лотосом кличут. Поскачешь на нём — я специально купил его для этих целей. Возможно, в ближайшее время такие поездки будут частыми. Выдвинешься завтра, – произнёс Алексей.

– Всё понял, хозяин, – сказал Сидор.

– Выполнишь и возвращайся обратно. А теперь ступай, – произнёс боярин Алексей.

Через день, как и планировал Евпатий, отряд в тридцать конников вышел из Ладоги и направился к побережью, к устью Невы.

Ладожский посад

Малюта проснулся рано, вышел на крыльцо и потянулся. Хозяйка уже хлопотала по двору. Это была очень пожилая, ссутуленная женщина с костлявыми руками, покрытыми толстыми венами, землистым цветом лица и острым носом.

– Что, проснулся, голубчик? На вот, молочка парного испей. Только что корову подоила, – предложила бабка.

– Спасибо, хозяйшка. С большим удовольствием выпью, – произнёс Малюта и взял из её рук кувшин с молоком.

– Что за люди к тебе давеча приходили? Прасковья тут двоих видела, на монахов похожих, – поинтересовалась хозяйка.

– Да, это знакомые паломники. По святым местам ходят по настоянию новгородского архимандрита. Услугу я для них одну сделал, вот они и зашли поблагодарить, – ответил Малюта.

– Богоугодное дело таким людям услуги оказывать. А мне казалось, что ты в Бога не веруешь. В церковь не ходишь, пост не соблюдаешь. Может, я ошиблась, Буслай? – спросила бабка.

– Ошибалась, матушка. А молюсь я в самой Ладоге, в соборе святого Георгия Победоносца. И игумен там — мой хороший знакомец. Когда-то я возил им рожь в голодный год, вот он и любезен со мной, – ответил разбойник.

– Ну ладно тогда, прости, что недоброе думала, – сказала хозяйка.

– Давай, матушка, я лучше принесу тебе воды из реки, – предложил Малюта.

– Давай, голубчик, помоги старой. Ноги-то совсем плохо ходят, – сказала бабка.

– А дети у тебя есть? Что не помогают? – поинтересовался Малюта.

– Было трое сыновей. Один под Юрьевом погиб, другой под Тверью пал от татарской стрелы. А младшенький в прошлом году в лесу сгинул — медведь его задрал, – тяжело вздохнув, ответила бабка.

– Да, мать, тяжёлая у тебя судьба, – сказал Малюта, взял вёдра и стал спускаться к реке за водой. Он зачерпнул воды и вдруг услышал отдалённое ржание лошади. Стал присматриваться. Скоро из утреннего тумана выехал отряд воинов. Малюта притаился за камышом и стал наблюдать. Когда отряд немного отъехал, он зачерпнул воды вторым ведром и пошёл к дому.

– Ну что, принёс? Что-то ты долго ходил? – поинтересовалась женщина.

– Да любовался природой. Гляди, мать, утро какое. Красота — и только, – ответил Малюта.

– Ну ладно, пойду кур кормить, – произнесла она и пошла к сараю.

Малюта зашёл к себе, быстро собрался, вышел за плетень и пошёл по грязной дороге в сторону рынка. Постоялый двор, где жили Бардим и Чаклер, нашёл быстро. Как и велел Чаклер, он разыскал хозяина и попросил позвать монахов-паломников. Через несколько минут в зал вышел Бардим.

– А, Малюта? – удивился он. – Не ждали тебя так скоро.

– У меня есть нужная вам информация, – ответил тот.

– Не тяни, говори, – твёрдо сказал Бардим.

– Дружинники, о которых вы говорили, сегодня утром выдвинулись в сторону Невы. Отряд, ну, где-то человек тридцать. Там был туман, точно сосчитать не смог, но скажу одно: все вооружены до зубов. У меня такое впечатление, что они идут на битву, – произнёс Малюта.

– Утром, говоришь? Ладно, иди. Если ещё что узнаешь — сообщай немедленно. Понял? – строго спросил Бардим.

– Да, понял. Лучше скажи, когда Чаклер подсыплет мне серебра маленько? А то карманы мои порядком истоцились, – спросил Малюта.

– Когда я вернусь, тогда и даст тебе плату. Ты не переживай, – ответил Бардим. – А теперь ступай, нечего лишний раз привлекать к себе внимание. Малюта пошёл к выходу, а Бардим стал подниматься по лестнице в свою комнату.

– Ну что там? – спросил Чаклер.

– Мне нужно срочно скакать к Гедемину. Малюта приходил, сказал, что Евпатий с отрядом вышел и отправился в сторону Невы, – ответил Бардим.

– Давай, седлай коня и скачи. Только из двора выезжай медленно, как на прогулку, а то хозяин, чего доброго, заподозрит неладное, – произнёс Чаклер.

Через полчаса Бардим уже скакал в лагерь крестоносцев.

Лагерь Гедемина

Когда Бардим прибыл в лагерь Гедемина, там царила суета. Утром охотники во главе с Олафом ходили на солончаки и сумели завалить молодого лося. Несколько человек занимались разделкой туши, кто-то разводил костёр. Люди крестоносца хоть и не испытывали проблем с продуктами благодаря скотине, приведённой из разграбленных деревень, трофею, добытому на охоте, были очень рады. Мясо лося — питательное и необычайно вкусное.

Охранение лагеря проводило Бардима в шатёр Гедемина.

— Есть новости? — с надеждой спросил Гедемин, оглядывая взмыленный вид разбойника. Бардим скакал, не жалея лошади.

— Да, есть хорошие новости. Отряд Евпатия — около тридцати копий — вышел из Ладogi и направился в сторону Невы. Чаклер думает, что воевода решил совершить рейд вдоль побережья. Если хотите их перехватить, нужно выступать немедленно. Если выйдем сейчас, к вечеру успеем пройти за посад, а к утру осмотреться на местности и выбрать позицию для нападения, — ответил разбойник.

— Что ж, нужно поднимать людей. Вальтер, иди, дай команду, — приказал рыцарь. Тот поспешил выполнять приказ. По лагерю прокатился шум недовольства.

— Что делать — лучшего момента может и не быть, — произнёс Сэм и пошёл к Ричарду Манфреду.

— Пойду подниму хозяина, — сказал Стив. В этот момент к костру подошёл Олаф.

— Не ходи, он уже пошёл к командиру. Сейчас посовещаются — и выходим, — произнёс варяг.

— Тогда пойду проверю оружие, — сказал Стив и направился к своей палатке. Тут к костру подошёл Финн.

— Не забудьте оставить нам мяса, а то знаю я вас: сами лося съедите, а нам кур оставите, — сказал Финн немцам. Воины Гедемина ничего не поняли, только улыбнулись и закивали.

Вальтер занимался со своими людьми: проверял оружие и распоряжался, чтобы челядь подготовила им продуктов на два дня. Тут из шатра вышли Гедемин, Манфред и фон Борк. Они были уже в доспехах и при оружии.

— Вальтер, всё готово? — спросил Гедемин.

— Сейчас соберут продовольствие — и можно выдвигаться, — ответил оруженосец.

— Поторопи их, дорога каждая минута. С нами пойдёт пехота, что может затруднить передвижение, — распорядился командир. Вальтер поспешил торопить челядь и монахов.

— Ну, думаю, в этот раз мы не оплошаем и зададим жару этим воякам, — сказал фон Борк.

— Я в этом нисколько не сомневаюсь, — произнёс Манфред.

— Твои все готовы, Ричард? — спросил Гедемин.

— Один раненый останется в лагере, остальные поедут все, — ответил храмовник.

— Хорошо, иди строй своих людей. А ты, фон Борк, поднимай наших бойцов и ещё раз всё проверь, — произнёс Гедемин. В этот момент к нему подбежал Вальтер.

— Всё готово, командир, — доложил он.

— Тогда вперёд. Олаф, веди нас, — скомандовал Гедемин.

Весь отряд числом около восьмидесяти человек двинулся в сторону Ладogi. Тридцать конников вместе с рыцарями следовали впереди, за ними шла пехота. К вечеру, обогнув Ладожский посад, отряд крестоносцев вышел к побережью.

Устье реки Невы

Евпатий прошёл побережьем, осмотрел устья Невы и Ижоры и немного продвинулся с отрядом дальше, чтобы полностью убедиться в отсутствии врага. Он даже послал в ближайшие деревни своих людей расспросить местных жителей. Посланники вернулись, но ничем не смогли удовлетворить любопытство воеводы. Отряд раскинул палатки у дороги, ведущей на Псков, переночевал, а утром Евпатий решил возвращаться в Ладогу.

Тем временем Гедемин тоже разбил лагерь на опушке березняка, а утром повёл людей вдоль побережья. Впереди шли Олаф и два опытных следопыта крестоносца. Они подтвердили все предположения рыцаря. Гедемин остановился за высоким холмом и выслал вперёд трёх конников, чтобы те предупредили о приближении противника.

Евпатий был опытным командиром, никогда не позволял себе расслабляться и не забывал об осторожности. Поэтому впереди отряда он послал Хлопушу и Борислава — хороших следопытов и умелых воинов. Они оторвались от отряда на четверть мили и сбавили шаг, чтобы внимательно наблюдать за происходящим.

– Спокойно-то как. Такое ощущение, что мы не в рейде, а на прогулке, – произнёс Борислав.

– А весной как пахнет! Скоро уже весь снег сойдёт. Знаешь, Никита зовёт меня к себе в новый острог. Говорит, когда построят, нужны будут люди. Владыка хочет сделать там сторожевой пост, чтобы контролировал всю Северную дорогу. Поэтому людей нужно больше, чем раньше. Не зря же его таким большим отгрохали. Видел, сколько жилых построек возводят? Старый острог был вдвое меньше. Как думаешь, Евпатий отпустит меня? – спросил Хлопуша.

– Ты попроси Буслая, чтобы он с дядькой своим поговорил. Евпатий к его мнению прислушивается, – посоветовал Борислав.

– Ну, когда я в Новгород попаду... Ладно, будь что будет. Приедем в Ладогу — сам к воеводе пойду, может, смогу его убедить, – произнёс Хлопуша.

– Слушай, а чего ты вдруг такое рвение проявляешь? Может, какая баба тебе там приглянулась? – поинтересовался Борислав.

– С чего ты взял? Просто понравилось там, да и Никита — мой давний приятель. Мы вместе начинали в лёгкой пехоте, потом его Буслай вытащил. Они с покойным Добродеем отлично его подготовили. Никита теперь саблей дерётся почти как сам Буслай, – произнёс Хлопуша.

– Да ладно, как Буслай? Буслай — великий воин. Он в совершенстве владеет искусством боевого пляса: гибок, как змея, ловок, как рысь. Это древнее искусство покорялось очень немногим. Буслая с детства учили отец и Евпатий, – молвил Борислав.

– Стой, тише, – произнёс Хлопуша и остановил коня. – Гляди, как птицы беспокойно ведут себя. Что-то здесь не так. Нужно дождаться отряда.

– Да ладно, кто там может быть? Вчера всё чисто было, – сказал Борислав.

– То вчера, а то сегодня. Вон за тем холмом, что в полумиле от нас, можно хорошо спрятаться. Так что давай дождёмся Евпатия. Он опытный и хитрый лис, пусть решает. Наше дело — предупредить воеводу, а решать — его, – произнёс Хлопуша и оглянулся, чтобы посмотреть, далеко ли ещё отряд.

Вскоре подъехал Евпатий. Он удивился, увидев Хлопушу и Борислава.

– Что-то случилось? – спросил он.

– Погляди, воевода, кто-то птиц спугнул. Смотри, как беспокойно они себя ведут. Надо бы послать вперёд дозор из нескольких человек. Чует моё сердце — здесь таится что-то неладное, – ответил Хлопуша.

– Бери четверых и осторожно следуйте к холму. Если что — трубите в рог сигнал тревоги. Мы потихоньку пойдём за вами, – произнёс воевода. Хлопуша и Борислав взяли ещё четверых и шагом направили коней к холму.

Увидев шестерых конников, один из наблюдателей Гедемина подбежал к рыцарю:

– Шесть конников движется по дороге в нашу сторону. Видимо, это дозор Евпатия, – доложил воин.

– Хитрый, однако, и осторожный, как заяц, – произнёс Гедемин.

– Что будем делать? – спросил фон Борк.

– Нужно атаковать, чего тут думать. У меня уже вся кровь кипит от их присутствия, – вспыхнул Ричард Манфред.

– Пусть подойдут поближе. Вальтер, прикажи стрелкам приготовиться к атаке. Когда дружинники окажутся на расстоянии выстрела, дай команду, – сказал Гедемин.

– Оставь этого Евпатия мне, я сам хочу насадить его тело на копьё, – попросил Манфред.

– Я не против, друг мой. Иди, готовь конников к атаке, – произнёс Гедемин. – Ты поведёшь их вперёд, а я останусь с пехотой. Манфред поспешил отдать распоряжения.

– А мне что делать? – поинтересовался фон Борк.

– Иди вместе с ним, а то он снова наделает ошибок, – сказал Гедемин.

Хлопуша с отрядом потихоньку приближался к холму. Он доверял своей интуиции — она редко подводила его. Он остановил коня и жестом велел остановиться остальным.

– Приготовьте на всякий случай щиты. Чую я что-то недоброе, – предупредил он.

– Что там может быть? Хочешь, я подъеду и посмотрю? – предложил один из воинов.

– Ну, если ты такой смелый, то давай, рискни, – произнёс Борислав. Конник, ничего не сказав, вырвался вперёд.

– Зачем? – крикнул ему вслед Хлопуша, но тот уже ничего не слышал. Дружинник смотрел на удаляющегося воина. Вдруг тот раскинул руки в стороны и повалился назад — в его груди торчала стрела. Через мгновение стрелы полетели в людей Хлопуши.

– Засада! Назад! – прокричал он, и в этот момент в его щит воткнулась стрела. Конники стали разворачивать лошадей, но одна стрела угодила в коня Борислава. Конь повалился, но дружинник в последний момент успел спрыгнуть. Трое уже скакали к отряду, а Хлопуша, увидев рухнувшую лошадь Борислава, крикнул: – Давай, прыгай ко мне!

Со стороны холма на них уже скакал отряд крестоносцев во главе с Манфредом. Коню Хлопуши было тяжело нести двоих, и он заметно отстал от остальных. Всадники Манфреда стали настигать их.

– Этих живыми брать! – кричал рыцарь.

Вся картина была уже в пределах видимости Евпатия. Он оценил обстановку и решил принять бой.

– Нас примерно одинаковое количество людей. К тому же надо спасти Хлопушу! – крикнул он и отпустил поводья. Его конь полетел навстречу людям Манфреда. Остальные бойцы последовали за ним.

Манфред уже почти догнал лошадь Хлопуши, но тут ему преградил дорогу Евпатий.

– Слава Богу, успел, – произнёс он и скрестил с храмовником меч. Началась сеча. Воины Манфреда были опытными, прошедшими войны бойцами; крестоносцы Гедемина тоже были не новички. Отряд Евпатия наполовину состоял из ещё юных бойцов, что сразу сказалось на поле битвы. Пять дружинников уже пали от копий крестоносцев, те же потеряли только двоих.

Евпатий видел, как на глазах тает его отряд, но отходить было некуда — кругом открытое место, а до ближайшего леса — около версты. Воеводе ничего не оставалось, кроме как продолжать бой. Борислав, добравшись до своих, спрыгнул с лошади и дрался пешим. Хлопуша направил коня в гущу схватки. Он схватился сразу с двумя воинами в белых плащах. Будучи

опытным и искусным бойцом, он уклонился от колющего удара и рубящим раскрыл череп противнику.

– Получай, бешеная собака! – крикнул он и продолжил бой с другим храмовником.

Фон Борк при поддержке Стива рубился с тремя бойцами Евпатия. Рыцарь и его оруженосец были очень хорошо обучены, и вскоре все три дружинника пали от их мечей. Тут Евпатий заметил, что в тыл им заходит отряд пехоты крестоносцев во главе с самим Гедемином.

– Пятеро, быстро за мной! – неистово закричал он и направил коня на крестоносца. Они скрестили мечи. В этот момент Хлопуша уложил колющим ударом в грудь второго противника; тот захрипел и повалился с лошади, но нога застряла в стремени, и конь потащил его по земле. Хлопуша стал искать глазами Евпатия и, увидев его, направил коня к нему.

– А вот и я, на помощь пришёл, воевода! – произнёс он и с яростью обрушил меч на голову одного из пехотинцев. Тот рухнул на землю.

Манфред подбадривал своих воинов и в ярости рубил мечом направо и налево — уже двое бойцов пали от его руки. Он прокладывал себе дорогу к Евпатию.

– Иди сюда, пёс! Я отсеку твою голову и брошу её свиньям! – крикнул он и оказался рядом с воеводой. Евпатий отпихнул пехотинца, направил коня на Манфреда. Они скрестили мечи. Манфред сразу понял, что воевода не подарок. Евпатий умело атаковал рыцаря. В схватке у него соскочил шлем, и на испачканном кровью лице читались ненависть и злоба.

Борислав бился сразу с тремя пехотинцами. Они сильно теснили его и уже задели руку — кольчуга обагрилась кровью. Хлопуша увидел плачевное положение товарища и направил коня к нему. Он давил попадавших на пути пехотинцев и наконец оказался рядом с Бориславом. Отбив копьё крестоносца, он с высоты коня проткнул мечом шею врага. В тот же миг Бориславу удалось разрубить колено другому бойцу. Тот взвыл от боли, отступил и свалился, затем, держась за колено, стал отползать с поля боя.

У Евпатия выбили меч. Он вынул из-за ремня шестопёр и дважды обрушил его на щит Манфреда. В этот момент в его бок вонзилось копьё вражеского пехотинца. Отряд воеводы сильно поредел, в то время как люди Гедемина усилили натиск. На восемнадцать поверженных бойцов воеводы Гедемин потерял только девять. Хлопуша увидел раненого командира и поспешил к нему, вовремя оттеснив Манфреда. Тем временем Борислав вскочил на освобождённого коня крестоносца. Хлопуша стал уводить лошадь воеводы из гущи сражавшихся. Борислав кинулся на помощь. Остальные дружинники оказывали уже вялое сопротивление, и вскоре трое из них пали. Хлопуша отдал команду трубить сигнал к отходу и прищпорил коня, держа за уздцы лошадь Евпатия. Борислав и ещё двое воинов последовали за ним. Пять бойцов сражались, прикрывая отход раненого командира, но вскоре их сопротивление тоже было сломлено. Двое пали, троим удалось оторваться. Они пустились вдогонку за Хлопушей и остатками отряда. Вскоре они достигли берёзовой рощи у берега. Только там дружинники смогли перевести дух и осмотреть рану воеводы. Она была глубокой и сильно кровоточила — срочно требовалась помощь знахаря. Копьё сломало рёбра, но задело ли оно внутренние органы, определить было невозможно. Хлопуша распорядился перевязать Евпатия и дал ему воды. Воевода выпил, и ему стало немного легче.

– Хлопуша, нужно срочно скакать в Новгород, а по дороге предупредить Никиту о битве. Эти злодеи могут пойти на острог. Видел, какая у них силища? И неизвестно, все ли это. Среди них были немецкие рыцари — видимо, тевтонцы заключили союз с тамплиерами. Всё нужно передать владыке. Я доверяю тебе эту миссию. Не подведи, – кряхтя, произнёс Евпатий.

– А ты как же, воевода? – спросил Хлопуша.

– Меня Борислав с остальными доставят в Ладогу. Ладно, не могу больше говорить — слабею. А ты, Хлопуша, не теряй времени, скачи в Новгород, – произнёс Евпатий и прикрыл глаза.

– Борислав, его нужно срочно доставить в Ладогу, а по прибытии усилить охрану города. А я поскакал, – сказал Хлопуша.

– Не переживай, прямо сейчас и отправимся. Возьми с собой хоть что-нибудь перекусить и вот эту флягу с водой, – сказал Борислав и передал Хлопуше сосуд. Тот окинул всех взглядом.

– Ну, пошла! – крикнул Хлопуша и пришпорил коня.

Отряд Гедемина ликовал. Они разгромили врага. На девять погибших крестоносцев приходилось двадцать два убитых дружинника, и одного раненого они взяли в плен. Тот воин, которому Борислав разбил колено, лежал поодаль и корчился от боли, держась за ногу. Из раны обильно текла кровь. Гедемин подъехал к Вальтеру.

– Когда все уедут, прикончи его, чтобы не мучился. Он всё равно умрёт, а если не умрёт — останется калекой. Нам сейчас лишний груз ни к чему, – шёпотом произнёс рыцарь.

– Хорошо, я всё исполню, – ответил Вальтер. К Гедемину подъехал Манфред.

– Жаль, что Евпатий ушёл. Как я хотел его убить! Но пусть услышит меня Бог — я с ним ещё встречусь, – молвил Манфред.

– Если, дорогой, не помрёт. Когда его дружинник отбил, он еле держался в седле. До Ладоги, если и доберутся, то только к вечеру, – произнёс Гедемин.

– Главное, победа осталась за нами, – сказал подъехавший фон Борк.

Финн и Олаф сидели на камнях и вытирали мечи от крови. На этот раз они дрались пешими. Финн не любил лошадей, а Олаф — норманн, викинги редко воевали на конях, зато искусно сражались в пешем строю.

– Ну что, доволен победой, варяг? – спросил Финн.

– Хоть я и не люблю этих храмовников и дрался не за них, но победой доволен, потому что убивал своих врагов, которые уничтожили моё племя, а меня самого чуть на тот свет не отправили. Слава великому Одину — он послал нам сегодня удачу, – ответил Олаф.

– Интересно, что они дальше хотят делать? – поинтересовался Финн.

– У этих людей ума хватит и на Ладогу идти. Но если так случится, не знаю, как ты, а я пас. Пусть сами воюют. Им нужна эта проклятая земля, а мне — серебро. Если они готовы класть головы за свою веру, мне это совершенно не нужно, – ответил Олаф.

– Мне тоже. Ладно, посмотрим. А сейчас пойдём возьмём себе трофейных лошадей. Хоть я и не люблю их, но если придётся бежать, на них как-то быстрее перемещаться, – произнёс Финн.

– Да, пойдём, – согласился варяг.

Вскоре отряд тронулся к своему лагерю. Манфред пребывал в хорошем настроении.

– Ох, приедем в лагерь — вина напьюсь, – произнёс он. – Фон Борк, составишь мне компанию?

– Составлю. Только я думал, что вы в Англии больше эль предпочитаете, – ответил рыцарь.

– С хорошим человеком можно выпить что угодно. Главное, чтобы это поднимало настроение, – произнёс Манфред.

– Тогда я угощу тебя прекрасным французским вином, которое мне передали в дорогу друзья из Мариенбурга, – сказал фон Борк и поправил волосы. Шлем он держал в руках.

Вальтер подождал, пока отряд отъедет подальше, и подошёл к истекающему кровью воину. Тот стонал от боли.

– Прости, брат, ничего личного, – сказал он, вынул большой нож и одним движением перерезал пленному горло. – Да простит меня Бог: не по своей воле я принёс эту жертву.

Северная дорога

Утро выдалось дождливое, поэтому на строительство острога никто не вышел.

– В такую погоду только грязь месить, – сказал Калаш и пошёл обратно в дом, который они уже успели достроить.

До этого дни стояли хорошие, и работали с самого восхода до позднего вечера. Стену полностью достроили, и освободившиеся люди стали помогать возводить избы. Несколько человек отбыли в Новгород. И вот в это дождливое утро дежуривший у ворот Тимофей услышал ржание лошади. Он посмотрел со стены вниз и увидел сидящего на коне насквозь промокшего дружинника. Тимофей спустился и поспешил открыть ворота. Всадник проехал внутрь и быстро спрыгнул с коня.

– Хлопуша меня зовут, может, слышал? – спросил он. Тимофей его не знал, так как служил во владычной дружине недолго, а Хлопуша уже несколько лет находился в Ладоге.

– Какими судьбами в наши края? – поинтересовался Тима.

– Из Ладоги я. Никита мне нужен, дело к нему от Евпатия, нашего воеводы, – ответил Хлопуша.

– А-а-а... – протянул Тима. – Повезло тебе. Здесь он, сейчас разбужу. Пойду, а то видишь, дождь — никто не работает, да и он спит, наверное, – произнёс Тима и пошёл в недостроенную избу. Через пару минут оттуда вышел Никита, протирая сонные глаза.

– Кто меня спрашивал? – позёвывая, спросил он.

– Никита, друг, это я, Хлопуша, – ответил дружинник и пошёл десятнику навстречу.

– А, Хлопуша, какими судьбами к нам вновь пожаловал? Что, Евпатий ещё что-то передать хотел? Послал бы кого помоложе. А то лучший его человек, старший дружинник, в роли вестового туда-сюда мотается, – молвил Никита, пожимая дружиннику руку.

– Дело очень важное — добраться нужно было обязательно, вот он меня и послал. А потом, он ранен. Копьё ему меж рёбер воткнули, – сказал Хлопуша.

– Да не томи, говори, что случилось, – поинтересовался Никита.

– Помнишь, я в прошлый раз про крестоносцев говорил? Так вот, эти храмовники, а с ними ещё Гедемин со своими людьми, напали на нас на ладожском побережье. Разбили наш отряд — слишком много их было. Человек тридцать конной рати и пеших около пятидесяти бойцов, не меньше. Воевода был в сознании, велел предупредить тебя, чтобы ждали непрошенных гостей, и скакать в Новгород к владыке — всю недобрую весть ему принести, – ответил Хлопуша.

– Давай иди обогрейся: в одном доме печь уже сложили. Покормит тебя Степанида — она сегодня дежурит. Только не пяль на неё глаза. Женщина красивая, вдова, при четырёх детях, – сказал Никита и повёл Хлопушу в дом, из трубы которого валил сизый дым. – Позови Степаниду, – обратился Никита к Спирьке.

Через несколько минут в дом вошла статная красивая женщина с высокой грудью и чёрной косой. От её вида у Хлопуши отвисла челюсть.

– Звал, Никита? – спросила она приятным бархатным голосом.

– А ты, Степанида. Вот, человек от Евпатия прибыл, покорми его хорошенько, – ответил Никита и указал на Хлопушу. Степанида внимательно осмотрела ратника.

Хлопуша был высоким статным мужчиной, широким в плечах, лет сорока. Лицо его обрамляла аккуратная борода. Он был облачён в короткую металлическую кольчугу, подпоясанную широким кожаным ремнём, на котором висели длинный меч с большой рукоятью — такие обычно ковали русские мастера, — а также кривой нож. Степанида, окончив осмотр, улыбнувшись, вышла во двор.

– Вот так, брат. Рот закрой, а то челюсть вывихнешь, – улыбнувшись, произнёс Никита.

– Действительно красавица. Вдова, говоришь? Так и я вдовец, может, приударить за ней?
– спросил ратник.

– Попробуй. Тут мужики к ней уже клин подбивать пытались, так она одного поварёхой огрела — он третий день забыть не может, – сказал десятник.

– От такой бабы можно и поварёхой по лбу — всё бы стерпел, – произнёс дружинник.

– А она тебе и по годам годится, – сказал Никита.

– Самое оно. Я давно хотел попросить Евпатия, чтобы он перевёл меня к тебе. А сейчас точно настою на своём, чего бы мне это ни стоило, – произнёс Хлопуша. В этот момент вошла с чугуном Степанида.

– Вот, каша с репой — мужикам вчера понравилась, – сказала женщина.

– Спасибо, хозяйюшка. Оголодал я в дороге, – произнёс дружинник.

– Кем будешь-то при воеводе, молодец? – спросила Степанида.

– Старший дружинник я у него. Ну, что-то вроде заместителя, – ответил Хлопуша.

– Чего же старший дружинник в роли вестового к нам приезжает? – улыбувшись, спросила Степанида, теребя в руках тряпку.

– Дело важное. После вас в Новгород поскачу, к самому владыке. Серьёзное дело у воеводы к нему, – ответил дружинник.

– Врог, что на вашу деревню напал, снова разбойничает на нашей земле. Вот вчера на нашу рать под Ладогой напал. Много их, нужно в Новгороде подмогу просить. Только ты молчи. Баба ты не болтливая, потому и говорю тебе. А остальным знать не нужно — а то паника начнётся, – произнёс десятник.

– Ну, если такое дело, никому не скажу, – сказала Степанида и покосилась на Хлопушу.

– Давай, молодец, хоть рубаху тебе просушу, а то мокрый до нитки сидишь, – предложила она.

– Не откажусь, – ответил он. Женщина помогла ему снять кольчугу, взяла мокрую рубаху и повесила к печи.

– А теперь ешь, а то остынет, – произнесла она. – Я пойду, молочка тебе принесу.

– Что-то любезна она с тобой. Мужики-то её стороной теперь обходят. Видно, понравился ты ей. А чем чёрт не шутит? Попробуй любовь с ней закрутить, может, и получится. Не всю же жизнь бирюком жить. Вон, моя баба уже тяжёлая ходит, скоро отцом я буду, – произнёс Никита.

– Ну, поздравляю. Дело богоугодное — детей на свет белый рожать, – поздравил Никиту Хлопуша и зачерпнул ложкой кашу.

– Спасибо. Только ешь давай, – сказал десятник. В дверь вошла Степанида с крынкой молока.

– На, вот, испей, красавчик, – обратилась она к дружиннику и передала ему крынку.

– Спасибо, хозяйюшка, всё очень вкусно было, – облизывая ложку, ответил Хлопуша.

– К нам-то заедешь на обратном пути? – поинтересовался Никита.

– А куда же я денусь? Всё через вас в Ладогу ехать, – ответил Хлопуша.

Через час дружинник немного обсох и двинулся в Новгород. Никита проводил Хлопушу и вернулся в избу.

– Проводил? – спросила Степанида.

– Да, проводил. Не повезло ему — вон как дождь зарядил, первый такой сильный в этом году. Вопрос: какое лето будет? – спросил Никита.

– Кто его знает. В том году урожай хороший был, да что толку? Врог пришёл и всё пожёг, – пожав плечами, ответила Степанида.

– Да, мужикам сегодня не до работы, – произнёс десятник.

– Да пусть отдыхают. Они и так быстро построили. Планировали до конца мая, а сделали раньше на целый месяц. Осталось-то что: дома доделать и печи сложить. Но это Фирс летом

сделает, когда тепло будет. Так что скоро можно переезжать. Слушай, Никита, а кто он такой, этот Хлопуша? Откуда ты с ним знаком? – поинтересовалась Степанида.

– Чего это ты заинтересовалась им? То мужиков гонишь, за оглоблю хватаешься, а то вдруг интерес проявляешь? Влюбилась, что ли? – улыбнувшись, спросил Никита.

– А может, и влюбилась. Тебе-то что? – огрызнулась женщина.

– Да ничего. А Хлопушу знаю ещё по Новгороду. В лёгкой пехоте начинали вместе, потом меня Буслай и Добродей, царствие ему небесное, пригласили. А Хлопушу Евпатий в Ладогу забрал. Как и ты, вдовец он. Жена у него давно умерла: он в походе был с ратью, а в Новгороде голод сильный стоял. Так жена его и двое детей от голода умерли. Приехал он — а дома такое горе. Теперь он один. Но вроде отошёл. Другие после такого в себе замыкаются, а он весельчак по жизни и человек надёжный, – рассказал ей Никита.

– Ох, жалко мужика, – вздохнув, произнесла Степанида.

– Да, жалко. Его служба поддерживает. Так, он человек добрый, а на врага всю злость и ненависть вымещает. О смелости его легенды в городе ходят. Вот так, – сказал Никита.

– Ладно, Никита. Наверно, мужики уже встали. Пойду Евдокию растормошу — их же кормить надо. Может, ещё на работу соберутся. Гляди в окно: вроде дождь прекратился, и вот край солнышка из-за тучи вышел. Может, распогодится ещё, – сказала женщина и пошла во двор.

– Иди, посмотри, может, и встали уже, – сказал ей вслед Никита.

Господин Великий Новгород

Владыка и архимандрит в Юрьевом монастыре стояли перед иконой первой половины двенадцатого века. Икона была очень больших размеров и изображала Святого Георгия в полный рост. Спокойная неподвижность фигуры воина олицетворяла его уверенность и мощь. Слегка расставленные ноги, согнутые в локтях руки — одна держит перед грудью наперевес огромное копьё, другая сжимает меч — выражали полную готовность воина к бою.

– Эта икона полностью олицетворяет образ нашего князя Александра, – произнёс архимандрит.

– Здесь ты полностью прав. Не хорошие новости приходят с разных сторон наших земель. Думаю, в ближайшее время ему и его дружине придётся проявить всю свою доблесть, – сказал владыка.

– Может, молва людская преувеличивает, владыка? Крестоносцы всегда захаживали на наши земли. Земли-то богатые, – молвил архимандрит.

– Нет, брат, не преувеличивают. Что-то неладное затевают наши заморские «друзья». Из Швеции приходят тревожные вести. Мой человек видел там множество военных шнеков. Швед что-то готовит. Эрих Картавый хоть болен и стар, но амбиций у него много, и с папой он дружен. Поддерживает его, старый хрыч, – произнёс Спиридон.

– Не знаю. Моё дело — монашество. Я человек кроткий, в политику не лезу, но среди своих людей веду правильные беседы и ежедневно доношу до них Божье слово, – ответил Арсений.

– Ладно, пора мне, брат. А ты помолись за нашего князя — правильный он человек, – сказал архиепископ и пошёл к выходу.

Хлопуша уже битый час сидел и ждал владыку в его владениях. Наконец тот прибыл, и ему сразу доложили о приезде дружинника.

– Зови его, – приказал архиепископ своему виночерпию Тришке. Тот поклонился и побежал за Хлопушей. Хлопуша вошёл и отвесил низкий поклон.

– Приветствую тебя, владыка. От воеводы Евпатия прибыл я к тебе с новостями, – сказал он и ещё раз поклонился.

– Какие такие новости шлёт мне воевода? – поинтересовался Спиридон.

– Плохие новости, владыка. Опять враг ходит по нашей земле. В этот раз он пришёл с большой силой. Мы приняли бой недалеко от устья Невы. Нас побили, а воевода получил тяжёлое ранение. Он велел мне срочно ехать в Новгород и рассказать тебе всё, – ответил Хлопуша.

– Да, плохи дела. У нас тут тоже не сладко — хорошего мало. Твоя весть подтверждает все мои опасения. Значит, нужно посылать помощь в Ладогу. Кто на этот раз разбойничает? Не Гедемин ли снова пришёл на нашу землю со своими псами? Или кто другой? Если знаешь, говори как есть, – спросил владыка.

– Гедемин со своими псами, да ещё храмовники в плащах с красными крестами. Воевода говорит, что это люди из какого-то заморского ордена. Отряд у них около сотни человек, много конных. Одну деревню сожгли дотла, от другой мы их отбили, а потом они нас подловили, – ответил Хлопуша.

– Хорошо, будь пока в Новгороде. Я скоро пришлю за тобой. Куда вестового слать? – спросил Спиридон.

– На Торговой стороне, дом вечеревого дьяка. Там его все знают. Это мой дядька, – ответил дружинник.

– Хорошо, ступай и жди от меня вестей, – произнёс владыка и подошёл к окну. На дворе после дождя было сыро и грязно, но тучи понемногу рассеивались, и выглянуло солнышко. Владыка подошёл к двери. Из-за угла вышел Тришка.

– Что прикажешь, владыка? – спросил он и поклонился.

– Вот что, голубчик: ступай, позови мне Буслая, – ответил Спиридон.

Буслай и Даша сидели, обнявшись, в горнице. Несколько дней назад жена родила ему сына. Назвать его решили в честь отца Буслая — Акинфеем. Ребёнок находился со служанкой, которую Буслай нанял в помощь Даше.

– Буслаюшка, ты не представляешь, как я тебя люблю, – произнесла девушка и плотно прижалась к мужу.

– Я тебя тоже, милая, люблю. Больше жизни люблю, – ответил Буслай.

– Знаешь, о чём я сейчас думаю? – спросила Даша.

– Нет, расскажи, что волнует твою милую головушку? – поинтересовался Буслай.

– Думаю об остроге: как там они живут? Ты рассказывал мне, что владыка распорядился возвести новый острог на Северной дороге. Наверное, большой он будет. Хотелось бы посмотреть и повидать всех, – произнесла Даша.

– Слушай, у Ягра-то Софья тоже тяжелая ходит. Если всё будет спокойно, может, вас в острог на лето отправить? И Зорюшке хорошо будет, и нам с вами мороки меньше. Там, под присмотром бабки Авдотьи, думаю, не отощаете, – произнёс дружинник.

– Не знаю, хотелось бы. Ты с Ягром поговори, ладно? – попросила она.

– Ладно, милая, – согласился Буслай. В этот момент в дверь раздался стук, и на пороге появился виночерпий владыки.

– Прошу прощения, что нарушил твой покой, Буслай, но владыка Спиридон срочно требует тебя к себе, – молвил Тришка.

– Чего ему от меня надо? – спросил дружинник.

– Не могу знать, он мне ничего не сказал, велел только позвать. Да, только что у него был человек от воеводы Евпатия. После его посещения владыка и велел тебя позвать, – добавил Тришка.

– Ладно, пошли, коль нужен я владыке. А ты, Дашенька, подожди немного: я туда и мигом обратно, – сказал Буслай, поцеловал жену и отправился вслед за виночерпием.

Вскоре дружинник уже был в резиденции владыки. Тот с нетерпением ждал его. Когда Буслай вошёл и поклонился, владыка пошёл ему навстречу.

– Здравствуй, Буслай, рад видеть тебя. Как здоровье молодой жены и твоего ребёночка? – спросил владыка.

– Спасибо, владыка, всё хорошо, все здоровы, – ответил дружинник.

– Ну, я рад за вас. Но вызвал я тебя для важного дела, – сказал владыка.

– Я весь во внимании, – произнёс Буслай и поправил саблю, висевшую на ремне хорошей выделки.

– Давеча из Ладоги прибыл посланник Евпатия — Хлопуша, ты с ним знаком, думаю. Он привёз плохие вести. Снова в тех местах появился Гедемин с отрядом, который вдобавок усилен храмовниками-тамплиерами. Произошла сеча, Евпатий ранен, и он просит помощи, – произнёс владыка.

– Что с ним? – с волнением спросил Буслай.

– Не знаю. Хлопуша говорит, что копьё сломало рёбра. Больше он ничего не знает, так как воевода дал ему распоряжение срочно отправляться в Новгород. Хочу послать тебя к нему на помощь, – произнёс владыка.

– Я готов выступить хоть сейчас, – ответил дружинник.

– Я знаю твою преданность и готовность служить отечеству. Но дело в том, что много людей я выделить не могу, как ты понимаешь. Если бы мы точно знали, где находится лагерь разбойников, то могли бы послать туда большой отряд и покончить с ними. А так посылать крупные силы далеко от Новгорода не представляется возможным. Может, они этого и ждут, – молвил архиепископ.

– Что же будем делать, владыка? – спросил Буслай.

– Возьмёшь Годыню, Ягра и ещё семерых ратников по своему усмотрению. Также я дам распоряжение Прокофию, чтобы он выделил тебе десять лучников для охраны острога. Ещё десять человек возьмёшь из новгородской пехоты. С этими сам разберёшься. Больше, Буслай, людей дать тебе не могу. Если узнаешь, где лагерь врага, пришли вестового — тогда дам людей, чтобы раздавить змея в его логове, – ответил владыка.

– Я всё понял. Пойду схожу к Прокофию, отберу людей, – сказал Буслай.

Дружинник чувствовал все переживания владыки, он понимал, что на том лежит тяжёлый груз ответственности за судьбу Новгорода. Владыку досаждали со всех сторон. Приезжали гонцы и с псковских земель: там немец чувствовал себя хозяином и ощущал полную свободу и безнаказанность. Ещё владыке приходилось пресекать хаос, который уже начал возникать в Новгороде. Его появлению способствовали и некоторые бояре. Между боярами всегда шла борьба за влияние в Новгороде и подвластных ему городах и областях, но сейчас она обострилась до крайности. Некоторые бояре уже начали проявлять открытую симпатию к немцам и шведам.

Когда Буслай вышел, владыка прошёлся по горнице. Его мозг терзали тревожные мысли. «Что будет дальше? Почему немец в последнее время стал проявлять такую активность? Кто друг, а кто враг?» — крутилось в его голове. Он подошёл к окну. На дворе мужики разгружали телегу, гружённую сундуками и мешками. По улице прошли два монаха, они несли две стопки церковных книг. Навстречу им ехал какой-то араб на верблюде, понукая его, а за ним тащились две набитые доверху телеги. «Купец с Востока», — подумал владыка. А на той стороне улицы сидел юродивый, одетый в лохмотья. Мужчина был сумасшедшим. Он иногда выбегал на дорогу, протягивал грязные руки к лицам людей и кричал: «Они горят, посмотрите, они горят! Это сам сатана вселился в меня. Как мне жарко!» «Господи, избави меня от проблем», — подумал владыка и крикнул Тришку. Тот не заставил себя ждать.

– Вот что. Беги на Торговую сторону, там найдёшь дом вечаевого дьяка. В доме спросишь Хлопушу. Передашь ему, чтобы он нашёл Буслая и что пойдёт с ним, – приказал владыка. Виночерпий поклонился и пошёл к выходу.

Буслай нашёл Прокофию и передал распоряжение владыки. Тот нехотя пошёл отбирать людей. Буслай осмотрел их и распорядился, чтобы они прибыли утром к Софийскому собору. Потом он пошёл к Михайле Косичу, который командовал отрядом пехоты. Тот обещал к вечеру собрать нужных людей. Затем дружинник предупредил Годыню и направился к Ягру.

Ягр в этот час находился дома. Владыка выделил молодым небольшой уютный домик на Торговой стороне, недалеко от Волховского моста. Горница была обставлена со вкусом, во всём виделась хозяйская женская рука. Ягр приветливо встретил Буслая и пригласил войти.

– Что-то случилось? – поинтересовался он.

– Наши друзья объявились под Ладогой. Евпатий ранен. Владыка распорядился взять людей и двигаться туда. А там — по обстоятельствам. Годыню я уже предупредил, – ответил Буслай.

– А что, мы только втроём поедём? – поинтересовался Ягр.

– Владыка не может дать много людей, сам понимаешь, какие времена. Но с нами пойдут ещё семь конников, десять пехотинцев и десяток лучников для охраны острога. Завтра встречаемся утром у собора Святой Софии. И вот что я подумал: нашим жёнам тяжело здесь одним будет. Может, возьмём их с собой? – предложил дружинник.

– Не знаю. Софья-то у меня тяжелая. Как она перенесёт дорогу? Да и у Даши на руках дитя малое, – ответил Ягр.

– Даша сама хочет, говорит, что сдюжит. Больно хочется ей повидать родственников, соскучилась — сил нет. Хочет, чтобы Софья с ней поехала. Я не против. Тем более они будут под нашей охраной. Думаю, в Новгороде не безопаснее. К владыке со всех сторон скачут весто-

вые, докладывают, что немец и швед готовятся идти на Русь. Так что острог — не самое опасное место. К тому же владыка решил возвести новый острог — говорят, уже почти достроили, — произнёс Буслай.

– Сейчас я её позову, – сказал Ягр и направился в спальню за Софьей. Софья вышла, поправляя волосы.

– Здравствуй, Буслай, – произнесла она.

– Привет. Как твоё самочувствие? – поинтересовался он.

– Ничего, всё хорошо. Как Даша? – спросила она.

– Даша тоже нормально себя чувствует, вся в заботах о малом дитяти. Я вот зачем пришёл: владыка посылает нас с Ягром в острог с ратью — там снова беспокойно. Как смотришь на то, чтобы поехать с нами вместе с Дашей? – спросил Буслай.

– С Дашей? В острог? Очень хочу. А когда вы едете? – поинтересовалась она.

– Завтра утром, – ответил он.

– Ягр, ты не против, если я поеду? Мне там лучше будет, да и по родным я соскучилась, – спросила девушка.

– Смотри, сейчас дорога плохая — весенняя распутица. Если перенесёшь дорогу нормально, я не против, – ответил Ягр.

– Ну тогда я заложу для них телегу с удобствами. Всё, Ягр. Слуга Малей завтра заедет за вами с восходом, потом заберёт нас, а потом поедет к собору Святой Софии, помолимся и отправимся в дорогу. Да, а где Зорюшка? – поинтересовался дружинник.

– У моей тётки гостит. Сейчас пойду заберу её. Думаю, она очень обрадуется, – ответила Софья.

– Ладно, пойду я. Нужно разобраться с телегой, приготовить коней. Хочу отвезти тех, что в прошлом году забрали в остроге, да и Малюю нужно дать распоряжение, чтобы прикупил побольше провизии на торгу, – сказал Буслай и вышел на улицу.

Он решил пойти предупредить тех людей, которых хотел взять с собой. Из них кто-то отдыхал, кто-то находился на дежурстве, поэтому это заняло у него немало времени.

Первым был Василий — уже немолодой воин с густой бородой и суровой внешностью. Дружинник был широк в плечах и обладал могучими руками. Его любимым оружием были датский топор и большой нож.

Второго звали Егор. Он был достаточно молод, высок и строен. Этот воин неплохо владел мечом и управлялся с копьём. У него была небольшая козлиная бородка и длинные, цвета соломы, волосы. По характеру он был спокоен и выдержан.

Третьего звали Ярополк. Этот человек был яростным рубакой и вспыльчив. Гладко выбритое лицо дружинника носило следы сабельных шрамов. В технике боя он уступал некоторым, но это компенсировалось необычайной отвагой и храбростью. Любимым оружием у него был меч.

Четвёртого бойца звали Сидор. Это был искусный боец, в котором сочеталось несколько отличных качеств. Во-первых, он безупречно владел любым оружием ближнего боя. Во-вторых, был не глуп и являлся хорошим следопытом. В-третьих, он кое-что смыслил в искусстве врачевания. А в-четвёртых, по храбрости не уступал Ярополку. Наверное, это был самый полезный член отряда. Из оружия он предпочитал щит и боевой топор.

Пятого ратника звали Еремей. Это был силач, опытный воин, состоявший в новгородской дружине уже больше десятка лет. Лицо его покрывали густая рыжая борода и усы, голову украшали рыжие кудри. Он был почти таким же великаном, как Годыня, поэтому предпочитал большое оружие. Помимо меча, за спиной на специальной перевязи всегда находился большой молот, который он применял в пешем бою.

Шестой воин был по-своему уникален. Молодой и не очень сильный, в беге и выносливости он не знал равных. Также он удивлял гибкостью и ловкостью, хорошо владел копьём и мастерски метал боевые ножи. Лицо его покрывал лёгкий светлый пушок. Имя он носил Юрий.

И последним был уважаемый человек средних лет с густой чёрной бородой и усами. Старший дружинник, звали его Володарь Карпыч. Он был среднего роста, но очень широк в плечах. Когда он стоял в доспехах со щитом и шестопёром, то напоминал былинного богатыря.

Вот этих людей Буслай пригласил с собой в поход.

Утром, как и было оговорено, отряд выступил за ворота города. Даша, Софья и ликовавшая от счастья Зорюшка ехали на телеге, которой управлял подручный Буслая Малей. Буслай не забыл взять и лошадей, которых он забрал в остроге зимой. С ними отправился и Хлопуша.

Северный острог

Шёл последний день апреля. Погода наконец наладилась: выглянуло солнышко, дул лёгкий южный ветер. Снега в лесу оставалось немного, а на открытых местах он растаял полностью. Но на дорогах стояли грязь и распутица, поэтому отряд Буслая передвигался крайне медленно. Пришлось на ночь разбить лагерь у Вечного Дуба, при въезде в лес. Буслай и Ягр постарались создать для жён и детей максимум удобств: нарубили еловых веток, чтобы спать было мягче, раскинули шатёр, а воины разожгли большой костёр. Утром наскоро перекусили и тронулись в путь. Буслай рассчитывал попасть в строящийся острог ещё до полудня.

В остроге рабочий день начался рано — благоприятная погода располагала к работе. Строители старались максимально продуктивно использовать тёплые сухие дни, чтобы быстрее закончить. Во-первых, новгородские мастера хотели поскорее вернуться домой, во-вторых, все рассчитывали на обещанную владыкой награду. Стена была уже полностью достроена, оставалось сложить ещё несколько срубов. Поскольку брёвна были подогнаны, работы оставалось максимум на неделю. Рабочие навезли в крепость глину для кладки печей. Под руководством Фирса уже сложили три печи. Полностью достроили конюшню. Так как большинство изб было готово, отец Евлампий распорядился жителям переезжать в новый острог и стал распределять жильё по семьям. В старом остроге за порядком остались смотреть Пелагея, Дар и Илья; остальные занимались переносом вещей, перегонном скота и птицы. В последнюю очередь отец Евлампий велел перевозить продовольственные запасы, потому что амбар ещё не достроили. Архип тоже остался в Лебяжем остроге, но приходил туда только на ночь, а с раннего утра снова уходил. В Сосновом лесу он расставил силки на разного зверя и собирался сделать большую ловушку на крупного зверя, но для этого нужна была помощь, поэтому он ждал окончания строительства.

Новые люди уже успели обжиться и подружиться с остальными жителями. Отец Евлампий бережно завернул икону с ликом Пресвятой Богородицы и перенёс на новое место, затем так же поступил с остальными иконами. На месте старого острога решили организовать постоянный двор — управлять им выбрали Пелагею, которая с радостью согласилась. Наконец она дала добро Дару объявить жителям острога об их помолвке, и им больше не пришлось скрывать свои чувства. По предложению отца Евлампия новый острог получил название «Северный острог», а старый стали называть «Лебяжий постоянный двор» или просто «Старый острог».

Прибывший в острог Буслай застал людей в этой суете, но встретили его радушно. Навстречу вышли отец Евлампий, Никита и Игнат; остальные дружинники помогали жителям перевозить вещи. Также подошли Калаш, Мотыль, Митрич и подбежал запыхавшийся Спирька.

– Привет, Буслай, давненько тебя не было, – произнёс отец Евлампий.

– Здравствуй, батюшка, и всем остальным привет, – ответил Буслай, обнялся по очереди с Никитой и Игнатом, а Спирьке, Калашу и Мотылю протянул руку.

– Быстро, однако, ты прибыл. Хорошо Хлопуша постарался — наверно, скакал не жалея лошади, – заметил отец Евлампий. Тут подошёл Митрич.

– А, Буслаюшка, друг мой, рад тебя видеть. Какие новости привёз? – спросил он.

– Привет, дед. Да какие у меня новости — все новости вокруг вас крутятся. Вот приехал посмотреть, что у вас творится, да новым острогом полюбоваться. Вижу, времени зря не теряли. А вам я привёл людей для охраны. Владыка не может выделить много людей — в Новгороде тоже неспокойно. Думает владыка, и князь тоже, что шведы и немцы готовят большой поход на Русь. Со всех сторон приходят плохие вести. Я немного передохну и отправлюсь в Ладогу, а вы тут разместите людей. Места теперь много, гляжу, – ответил дружинник.

– А ты-то кем теперь у владыки числишься? – поинтересовался Митрич.

– Воеводство принял, дед, – ответил Буслай.

– Гляди, ишь ты, воеводой стал, – удивился Митрич и в раздумье почесал бороду.

– Буслай, мне бы хотелось поехать с тобой в Ладогу. Возьми меня, а Игнат тут за порядком присмотрит? – попросил Никита.

– Ну, поедем. Только я дам распоряжения, чего людей томить: устали с дороги. Володарь Карпыч, вели людям спешиться и идти отдыхать. Отец Евлампий распределит их по местам. Со мной поедут Хлопуша, Никита, Сидор, Ярополк и Юрий, а остальные пусть отдыхают до нашего возвращения. Да, отец Евлампий, велите разобрать телегу — мы из Новгорода привезли вам кое-каких продуктов и гостинцев, – сказал Буслай. Отец Евлампий пошёл давать мужикам указания, а дружинники направились к костру поздороваться с остальными жителями и немного перевести дух после дороги.

Даша, Софья и Зорюшка уже встретили своих подруг и оживлённо беседовали. Поскольку Зара, Лада и Софья находились в интересном положении, а Даша только родила младенца, тем для разговоров нашлось много. Архип тоже отправил Ладу в новый острог — так безопаснее. Сам он появлялся в Северном остроге только чтобы передать добытую на охоте дичь. Зара предложила пойти к ней в избу: отец Евлампий первым выделил им новое жильё, и девушка уже успела создать некоторый уют.

– Ну, рассказывайте, подружки, как вам живётся в Великом Новгороде? Как городская жизнь? – поинтересовалась Зара.

– Ну, как живём... Вот, у меня дитя малое. Акинфеем назвали, в честь отца Буслая. На людях появляюсь мало — дитя всё время забирает. Да что вам рассказывать, вы и так нашу бабскую долю знаете. В городе сначала интересно, всё красиво, красочно. Только когда помощь нужна, никого рядом нет — не то что здесь. Да и в остроге веселее, – ответила Даша.

– И мне в остроге больше нравится, – сказала Зорюшка.

– Думаю, надолго мы к вам. Владыка наказал мужьям нашим совладать с ворогом. Мало этому Гедемину в том году досталось — опять пришёл, – произнесла Софья.

– Скучать в этом году не будем. Нужно заниматься обустройством острога да и личный быт налаживать по-новому. Нам с Никитой отец Евлампий хорошую избу выделил, печь там уже сложили. Есть в избе горница для моих занятий и лечения людей. Вон, Лада тоже как боярыня живёт, только Архип в остроге не так часто бывает. Один он теперь на охоту ходит, тяжело ему. Больше дичь приносит да мелкого зверя, – сказала Зара.

– Скоро закончат, будут с собой Дара, Спирьку и ещё кого брать. Архип хочет какую-то большую ловушку на крупного зверя сделать, но для этого помощь нужна, – молвила Лада.

– Вон, Фёдор новую часовню поставил. Шемяка расписывает её. Амбар уже почти достроили, а конюшня, курятник и загон для скота готовы, – добавила Зара. – Квасу свежего хотите?

– Угости, угости, небось, соскучились по нему. В Новгороде такого нет, поди, – произнесла Лада. Зара протянула кувшин Зорюшке. Та отпила глоток и со вкусом причмокнула.

– Вкусно, – произнесла она.

– Сидим мы здесь, болтаем, а там бабка Авдотья, небось, нас всеми чертями клянёт. Дружинников-то с дороги кормить надо? – спросила Софья.

– Там Лукерья да много новых баб у нас теперь живут. С тех пор, как вы уехали, много новостей случилось. Вороги сожгли деревню Бугры дотла, большинство людей посекали. А те, кто остался, теперь в остроге живут. И все рукодельные. Теперь у нас и кузнец свой есть, и сапожник, и скорняк. Мы тут живём как в маленьком городе. Всё у нас есть, а теперь и Буслай дружину привёл. Стало быть, и войско есть, – ответила Зара.

– А что за женщина такая статная у костра стояла, когда мы проходили? – спросила Даша.

– А это Степанида. Четверо детей у неё, вдова. Сейчас вместо Пелагеи бабке Авдотье по хозяйству помогает. А Пелагея с Даром в том остроге остались — там решили сделать посто-

ялый двор, она там и управляется. Дар на днях прилюдно объявил о помолвке с ней. Так что скоро у нас ещё одна свадьба. Пелагея счастливая ходит, радуемся за неё, а то баба совсем извелась, – сообщила Лада.

– Дай Бог ей счастья, – произнесла Даша и тоже отхлебнула кваса.

На дворе раздался громкий крик бабки Авдотьи. Она, как всегда, была чем-то недовольна.

– А ну, Спиридон, убери свою тачку отсюда! Чего расставил? Нашёл место! Тут еда, а ты глину привёз. Убирай быстро, дурень окаянный! – выругалась Авдотья.

– Я батюшке своему везу! Печь он тебе, бабка Авдотья, а не кому-нибудь кладёт, – огрызнулся мальчишка.

– Отвезёшь, позови мне Настю — дружинников кормить надо, а у меня со Степанидой рук не хватает, – попросила она.

– Ладно, позову, – сказал Спирька и повёз тачку к дому, где работал Фирс.

Погода стояла хорошая, поэтому дружинников посадили на воздухе за недавно сколоченным Фёдором большим столом. Степанида накрывала на стол и украдкой поглядывала на Хлопушу. А дружинник не сводил с неё глаз. Женщина действительно была очень красива, и, несмотря на возраст и четверых детей, фигура её оставалась безупречной. Тут подошла бабка Авдотья и своим громким голосом прервала фантазии Хлопуши.

– Вот и кашка готова, сейчас накормлю вас. Настя, носи хлеб, который сегодня пекли Лукерья с Агрепиной, – прокричала бабка. К столу подошла Настя с двумя большими круглыми караваем.

– Ох, хороша кашка. А запах какой, – пробасил Годыня и приготовился есть.

– Соскучился, голубчик, по моей стряпне? Небось, в Новгороде тебя так не кормили, как я тебя потчевала? – спросила Авдотья.

– Соскучился, бабка Авдотья. Так вкусно никто не готовит, – похвалил её Годыня и отломил хлеба.

– А к вечеру Калаш барашка забьёт — вот где вкусотища будет, – сказала бабка.

– Мы-то отведаем мяска, а вот кому-то не повезло. Буслай с Хлопушей и ещё несколькими дружинниками скоро в Ладогу тронутся — дело там важное, – произнёс Годыня.

Степанида, услышав, что Хлопуша уезжает с Буслаем, невольно вздрогнула. «Что это со мной? — подумала она. — Почему я так часто вспоминаю и думаю об этом человеке?» Мысли её прервал шум: неуклюжий Лопух опрокинул ведро с разбавленной водой известняком и грохнулся прямо в конский навоз.

– Ох, чёрт безмозглый! Глаз, что ли, нет? – закричала стоявшая рядом Лукерья.

– Я не специально, просто не видел, – поднимаясь, сказал Лопух.

– Глаза-то открой, а то спишь на ходу, – проворчала Лукерья. Лопух стал вытирать руки об траву.

– Вот, Калаш каждый день тебя, нерадивого, порёт — и всё без толку. В кого ты такой нескладный родился? Мать с отцом, царствие им небесное, нормальные были, а ты... Вон Калаш идёт, сейчас он тебе задаст, – сказала подошедшая к ним Глаша.

Калаш подошёл, строго посмотрел на Лопуха и на опрокинутое ведро. Лопух понял, что его снова будут пороть. Калаш взял мальчишку за ухо и повёл за сарай. Тот завыл от боли. Тут к бабам подошла бабка Авдотья.

– Что этот оболтус опять натворил? – поинтересовалась бабка.

– Да вон, ведро с известкой пролил. Слышишь, кричит за сараем? Калаш мозги ему вправляет. Какой-то нерадивый мальчишка. Каждый день Калаш его порёт, а ему, дурню, всё нипочём. У него там, наверно, зад сплошным кровавым волдырём стал, – ответила Лукерья.

За сараем Калаш охаживал розгой полные ягодицы Лопуха; тот кричал так, что было слышно на весь острог. Люди уже не удивлялись — знали, что это дядька поучает мальчишку.

Тем временем дружинники накинулись на еду. После тяжёлой дороги у всех был здоровый аппетит. После трапезы отец Евлампий пошёл расселять ратников. Их поселили в ещё недостроенных избах, но хорошо, что они были уже с крышей, — рады были и этому. Самой большой проблемой было отсутствие колодца: его начали рыть, но он ещё не был готов, поэтому воду возили из реки, и она ценилась на вес золота. Её экономили как могли.

Фирс и Спирька сделали перерыв и решили пообщаться с Софьей. Та уже ушла от подруг и ждала, когда родные закончат работу. Вместе с ними подошла и её матушка Фёкла.

– Ну как, дочь, надолго ли к нам? – спросил Фирс и обнял дочь.

– Не знаю, батюшка. Как дружинники с ворогом управятся. Это Даша уговорила Буслая взять её в острог с собой, а Буслай, в свою очередь, поговорил с Ягром, и он согласился, чтобы я тоже поехала, – ответила девушка.

– Ну, что стоишь, Спиридон, обними хоть сестру, – произнёс Фирс и взял кувшин с квасом. Спирька и Софья обнялись.

– Возмужал ты, братец. Вырос, окреп, – произнесла девушка, осматривая брата.

– Вот, хочу его печному делу обучить, но не лежит у него душа к этому. Каждый день мечом крутит да разные упражнения делает. Говорит, что хочет стать дружинником, как Буслай и Ягр, – сказал Фирс, отпив кваса.

– Так что же в этом плохого? Землю-то нашу тоже кому-то защищать надо. Смотрите, сколько ворога по земле ходит — никакого покоя от них нет, – произнесла Софья.

– Не было в нашем роду ратников. В кого это у него? – пожал плечами, произнесла Фёкла.

– Не знаю, матушка, в кого, но ратником я обязательно буду. Буслай обещал, когда я подрасту, взять меня в Новгород, чтобы я там ратному делу учился, – ответил Спирька.

– А может, оно и к лучшему. Я считаю: не важно, что человек делает в жизни, важно — как он это делает. Каждое дело навык любит. Вон, в Новгороде плохие ремесленники на купцов да бояр спину гнут, а хорошие мастера себе хоромы княжеские отстроили. Думаю, из нашего Спирьки выйдет толк в ратном деле, – произнесла девушка.

– Дай Бог, чтобы всё так и было, – сказал Фирс и вздохнул.

– Ладно, дружинники уже поели и пошли отдыхать, так что давайте за стол, а то бабка Авдотья давно всё накрыла. Да и мужики вон уже пошли. Смотрите, а то съедят всё, и вам не достанется, – сказала Фёкла, взяла сына за локоть и повела к столу. Вслед за ними, опираясь на клюку, заковылял Фирс.

Через пару часов Буслай, Никита, Хлопуша, Ярополк, Юрий и Сидор покинули ворота острога и направились по Северной дороге в сторону Ладоги.

Лагерь Гедемина

Окрылённые победой крестоносцы жаждали новой крови. Многие стали высказываться за поход на острог. Им казалось, что они могут всё. Лёгкая победа над отрядом Евпатия вселила надежду на лёгкие победы и в дальнейшем. Этому веянию стали поддаваться Манфред и фон Борк. Гедемин пытался отговорить их от похода на острог, говорил, что ещё не время, но беспечные крестоносцы слишком хотели похвастаться друг перед другом своей доблестью. Наконец Гедемин сдался, но с условием, что они хорошо подготовятся и проведут предварительную разведку. В разведку решили послать Стива, Сэма, Олафа как проводника и ещё пять пехотинцев — на лошадях ехать было слишком заметно.

Погода стояла отличная: после дождей выглянуло солнце, лес ожил после ненастья. Рыцарям тоже надоело постоянно ютиться в шатрах, поэтому они решили провести ужин на воздухе. Им сложили отдельный костёр, и они сидели около него, попивая вино, которым запасся фон Борк.

– Не терпится почесать руки. Во мне горит желание захватить этот проклятый острог, а жителей повесить на частоколе, – произнёс Ричард Манфред и отпил добрую половину кубка.

– Мне тоже очень этого хочется, но это не так просто, как кажется. Многие уже неоднократно пытались, но, увы, тела их лежат в земле, а души на небесах общаются с душами предков, – произнёс Гедемин.

– Что же, теперь нам сидеть сложа руки? Я пришёл драться на эту землю и добывать славу своему ордену и своей вере, – вспыхнул Манфред.

– Нет, Ричард, я не говорю, что мы должны сидеть сложа руки. Нужно просто хорошо подготовиться, провести тщательную разведку. Потом на лошадях туда идти плохо: дорога узкая, и конник становится очень хорошей мишенью, – сказал Гедемин.

– В чём проблема? Значит, пойдём пешими, – молвил Гудвин фон Борк.

– Не будем торопиться. Когда получим данные разведки, тогда и обсудим план взятия острога. А сейчас разрешите выпить за вас, мои друзья, – произнёс Гедемин и осушил кубок до дна.

– А я выпью за удачу. Чтобы она сопутствовала нам, как в прошлый раз, – сказал фон Борк и отхлебнул вина.

– Я, конечно, к тебе присоединяюсь, но в том случае, мне кажется, удача была ни при чём. Просто воинов у Евпатия было меньше чем вдвое. Потом, их подготовка желала быть лучшей. Я обратил внимание, что в его отряде было много молодых дружинников. А у нас люди, прошедшие многие битвы. И то мы оставили на этой земле уже девятнадцать человек. И виноват в этом воевода Евпатий. Если бы не он и его люди, мы бы без всяких проблем спалили все деревни в округе и пошли бы на Ладожский посад, – произнёс Гедемин.

– Ну, всё равно, наша удача была в том, что мы смогли выследить отряд воеводы и разбить его, – сказал фон Борк.

– Я согласен с Гудвином, – молвил Манфред.

– Ну ладно, не буду с вами спорить. Выпью за нашу удачу и чтобы она сопутствовала нам всегда и везде. За удачу! – прокричал Гедемин и отхлебнул из кубка.

– Когда думаешь послать разведку? – поинтересовался фон Борк.

– Через пару дней. Пусть немного подсохнет, – ответил Гедемин.

– Разумно, – поддержал Манфред и откусил кусок рябчика.

– О, так дня через три-четыре мы сможем их атаковать? – спросил фон Борк.

– Да, друг мой, я доставлю вам эту возможность, но уверяю вас: это будет не так просто, – ответил Гедемин и подлил себе вина.

– Ну, сложностей мы не боимся, и лёгкие победы не интересны. Мой дед участвовал в крестовых походах на Святую землю вместе с самым великим Ричардом Львиное Сердце. Он прославил наш род, а я хочу приумножить эту славу, – произнёс Манфред.

– Твои желания благородны, мой друг, ибо мы бьёмся во славу нашего истинного Бога Иисуса Христа, и ничто нас не остановит на этом пути, никакая сила не сможет помешать нашим святым целям. Мы пришли на эти земли с благословения самого папы римского, – торжественно произнёс Гедемин.

– Правильно — с благословения папы. Давайте выпьем за здоровье нашего папы, – произнёс уже подвыпивший Манфред и поднял свой кубок.

– Давай, Манфред, выпьем за здоровье его святейшества, – сказал фон Борк и отпил из своего кубка. Гедемин присоединился к тосту. Тут к ним подошёл Самюэль и принёс кабанью ногу. На вчерашней охоте сборный отряд охотников подбил большого кабана. Самюэль каждому из рыцарей срезал своим большим ножом мясо в блюда.

– О, а вот и мясо! Заждались мы, брат, – упрекнул Самюэля Манфред.

– Кабан крупный, ждали, пока полностью прожарится. А сейчас — самое оно, аж корочка хрустит — пальчики оближешь, – оправдался оруженосец.

– Ну ладно, ступай, а то тебе самому не достанется. Да, и обсуди с Олафом и Стивом, как вы пойдёте к острогу, – посоветовал Манфред.

– Хорошо, сэр, мы всё обсудим, – ответил Сэм, поклонился и пошёл к другому костру, где Олаф разделывал кабана.

– Что там происходит? – спросил на ломаном английском Вальтер.

– Пьяные уже, за его святейшество пьют, – ответил Самюэль.

Ладога

Евпатию в Ладоге оказали помощь, но рана оказалась очень серьёзной. Во-первых, он потерял много крови, во-вторых, было задето лёгкое, не считая двух сломанных рёбер. К нему позвали лучшего лекаря Ладоги. Тот намазал воеводу мазями, напоил микстурой и сказал, что всё теперь в руках Бога. Однако с каждым днём Евпатию становилось хуже. Когда прибыл Буслай, воевода был в сознании и просил, чтобы племянника сразу проводили к нему.

Буслай прошёл в горницу, где лежал раненый. Евпатий лежал на спине и тихо стонал. Буслай подошёл ближе и взял его за руку. Воевода открыл глаза.

– А, Буслай, – тихо произнёс он.

– Да, дядюшка, это я. Ты можешь говорить? – спросил Буслай.

– Да, могу. Ты прибыл по распоряжению владыки? – спросил он.

– Да, Хлопуша привёз эту страшную весть. Владыка послал со мной тридцать дружинников тебе в подмогу. Больше он не смог выделить — обстановка в Новгороде и его окрестностях сложная, – ответил Буслай.

– Этого мало. У них большой отряд. Нас было тридцать человек, а их — раза в два с лишним больше. К тому же с Гедеминном были очень обученные и опытные бойцы. Недалеко от Невы нас разбили, – сказал Евпатий.

– Что говорит эскулап? – поинтересовался дружинник.

– Говорит, что всё в руках Бога. Я чувствую — мне осталось недолго. Отомсти за меня, сынок. Убей этого Гедемина и раздави остальных крысёнышей, – слабым голосом попросил воевода.

– Давай я пошлю в острог, привезут Зару. Помнишь, как она выходила тебя в прошлый раз? – предложил Буслай.

– Не надо, всё это без толку. Я всё равно умру, – несколько раз кашлянув, произнёс он.

– Нет, дядюшка, я всё же пошлю за ней, – сказал Буслай. Но Евпатий его уже не слышал — он потерял сознание.

Буслай вышел из комнаты. В прихожей его ждали остальные дружинники. Он осмотрел всех.

– Я понимаю, друзья мои, что вы устали, но нужно срочно скакать за Зарой. Он тает на глазах. Никита, брат, бери кого-нибудь и скачи в острог, – сказал Буслай и поправил непослушные волосы.

– Я поеду с Никитой, – вызвался Юрий.

– И я, – произнёс Ярополк.

– Хорошо. Только не жалейте сил, ибо дорога каждая минута.

– Мы сейчас же выдвигаемся. Только лошадей напоим, – сказал Никита и пошёл вниз. Ярополк и Юрий последовали за ним.

Никита и дружинники не жалели лошадей и к вечеру были уже в остроге. Эти сутки для Буслая были очень тревожными, тяжёлыми и долгими. Евпатий то приходил в себя, то терял сознание. Всю ночь он бредил и всё время кого-то звал. Ночью в горницу вошёл Хлопуша.

– Буслай, иди поспи, я посижу с ним. А то у тебя глаза уже слипаются, – сказал Хлопуша. Буслай хотел было сопротивляться, но дружинник отправил его отдыхать, а сам сел у изголовья кровати воеводы.

Через сутки прибыли Никита с Зарой. Девушка попросила всех выйти и осмотрела рану. Через десять минут она вышла из горницы.

– Положение очень серьёзное. Началось обширное заражение. Сейчас я дала ему лекарство, которое позволит поспать — оно хорошо обезболивает. Но здесь нужно делать специальную сыворотку. Если не поможет она, то не поможет уже ничто. Никита, помнишь, мы с тобой

ходили к еврею-целителю, и он дал нам книгу? Так вот, этот рецепт из той книги. У меня есть эти травы, я попробую сделать отвар. Буслай, вы мне больше не нужны. Оставьте мне Никиту и ещё одного человека и можете заниматься своими делами, которых, думаю, у вас немало, – произнесла девушка.

– Хорошо, я оставлю вам Юрия, а мы прокатимся по окрестностям — может, найдём какие-нибудь следы крестоносцев, – сказал Буслай.

– Думаю, если мы совершим рейд, пользы будет гораздо больше, чем от сидения у изголовья воеводы, – произнёс Хлопуша.

– Ну тогда спать, а утром выступаем. Да, если его состояние изменится, срочно меня зовите, – сказал дружинник.

– Непременно, – ответила Зара.

Северная дорога. Постоялый двор

Как и планировал Буслай, утром отряд из четырёх человек покинул Ладогу и отправился к Северной дороге. Дружинник рассудил: если воевода ходил вдоль побережья и не видел лагеря крестоносцев, значит, враг выбрал другое место. Самым удобным был лес в окрестностях Ладоги — не густой, легко проходимый, откуда можно было относительно быстро добраться в любую точку области. Не зря в своё время в этом лесу стоял Вепрь со своими разбойниками. Поэтому Буслай решил пройти по Северной дороге до Скалы Кречета, потом выйти к постоялому двору, там переночевать и отправиться в Ладожский лес. Погода третий день стояла солнечная и тёплая, передвигаться было приятно. Буслай гарцевал на Вороне и наслаждался окружающей тишиной. Вокруг всё было спокойно, только высоко в небе кружил одинокий кречет, высматривая добычу. Буслай долго смотрел на птицу и подумал: «Такой же охотник, как и мы. Мы, подобно ему, ищем свою добычу, а когда находим — бьём без промаха».

Часам к десяти они уже въезжали в Сосновый лес. Буслай взял левее и направил коня к Скале Кречета. К полудню они были уже у неё. Спешились и осмотрели местность. Следов человека и лошадей не было видно.

– Тут их не было точно, – сказал Буслай.

– Да, людей тут не было, – подтвердил Сидор. Если читатель помнит, Сидор был отличным следопытом.

– А тут ещё есть хорошие места для стоянок? – поинтересовался Ярополк.

– Места есть, но не думаю, что они стали лагерем недалеко от острога. Гедемина жизнь уже кое-чему научила, вряд ли он будет повторять свои ошибки. Я всё же придерживаюсь мнения, что крестоносцы стоят в Ладожском лесу. Завтра пойдём туда. А сейчас на всякий случай прокатимся до Чёрной Топи, где когда-то был лагерь Малюты, и вернёмся на постоялый двор. Там поедим и заночуем, а завтра отправимся в Ладожский лес. Ну а потом возвратимся в Ладогу, – произнёс Буслай.

– Да, я тоже так думаю, – согласился Сидор.

– Как думаешь, Буслай, Зара спасёт Евпатия? – спросил Хлопуша.

– Она очень знающая и искусная ведунья, многих с того света вытащила. Верю ей. Давайте надеяться на лучшее. Однажды она уже вытащила Евпатия, – ответил дружинник.

– Будем надеяться, – вздохнув, произнёс Хлопуша.

Они доехали до Чёрной Топи. Там тоже не было никаких признаков присутствия людей. Развернулись и не спеша двинулись к Северной дороге, на постоялый двор. Хлопуша ехал и думал о красавице Степаниде. Её образ постоянно тревожил его в последнее время. Он решил, что после этого рейда серьёзно поговорит с Буслаем, чтобы тот попросил владыку о его переводе в острог — говорить с воеводой было невозможно, состояние Евпатия вызывало большие опасения. Ещё не стемнело, когда они прибыли на постоялый двор. Им навстречу вышел хозяин и приветливо поздоровался. Буслай велел накормить и напоить лошадей, а также попросил еды для людей.

Пока на постоялом дворе распрягали коней, на опушке леса происходило следующее. Как раз в это время там шли разведчики Гедемина. Они увидели удаляющихся дружинников, и Стив предложил проследить за ними. От опушки хорошо просматривался постоялый двор, и крестоносцы видели, как дружинники въехали внутрь.

– Что будем делать? – спросил на ломаном немецком Олаф.

– Их только четверо. Можно напасть и забрать лошадей. Видел, какие кони хорошие?

Хороший подарок нашим рыцарям, – сказал Стив.

– Кости размять — я всегда за, – произнёс Сэм и широко улыбнулся.

– Нас вдвое больше, думаю, легко осилим. Нужно только спешить. Пока они расседывают коней, мы можем напасть, – сказал Стив.

– Ну, тогда чего ждём? Вперёд! – крикнул Сэм и вышел из леса.

Как уже говорилось, в разведку отправились Сэм, Стив, Олаф и ещё пять воинов. Дружинников было только четверо. Крестоносцы быстро преодолели расстояние от опушки до постоянного двора и вошли в ворота. Наши друзья только успели распрячь лошадей. На шум у ворот все обратили внимание и насторожились. Через мгновение перед ними возникли крестоносцы и Олаф. Варяг всмотрелся в лица дружинников.

– Буслай?! – вырвалось у него. В голосе чувствовались тревога и удивление.

– А, одноглазый, ты ещё не угомонился, – ответил дружинник и выхватил сабли. Остальные ратники тоже обнажили оружие и приготовили щиты.

– Вперёд! – крикнул Сэм и бросился на дружинников.

– Будь осторожнее, – только и успел крикнуть Олаф. Началась драка.

Сэм понял, что воин, которого окликнул Олаф, — командир дружинников, поэтому он кинулся на него. К нему присоединился один из воинов Гедемина. Самюэль не любил щит, поэтому в одной руке держал длинный меч, а в другой — клевец. Стив и ещё один боец атаковали Сидора, Ярополк сдерживал натиск крестоносца и Олафа, а Хлопуше достались два храмовника Манфреда.

Буслай отразил первый натиск врагов и приступил к своему боевому плясу. Сэм ещё не понял, на кого наткнулся, поэтому, пренебрегая осторожностью, бросился вперёд, за что сразу же поплатился. Буслай отскочил в сторону и рубящим ударом ранил храмовника в плечо. Тут же развернувшись вокруг оси, он отбил копьё другого крестоносца и пронзил его горло. Тот замертво рухнул.

Как мы уже писали, Сидор был универсальным бойцом. При всей осторожности он был искусен и обладал большим боевым опытом. Но и Стив не уступал ему в мастерстве, поэтому вдвоём они теснили Сидора. Ярополк не знал страха и шёл вперёд. Он нанёс несколько рубящих ударов, один из которых достиг цели: разрубил живот врагу. Удар был такой силы, что у того стали вываливаться внутренности.

Хлопуша был одним из лучших бойцов отряда Евпатия. Он не успел взять щит, поэтому бился одним мечом. Но дружинник был ловок, легко уходил от ударов противников. Закрутив меч одного из них, он выбил его из рук и тут же, перехватив свой меч через локоть, заколол другого врага. Первый противник тем временем отступил к забору и схватил копьё поверженного Буслаем крестоносца.

После нескольких безуспешных атак крестоносцы поняли, что нарвались не на слабаков. Противники явно превосходили их в искусстве боя. Дальше события развивались так. Раненый Самюэль отступал под натиском Буслая, и дружинник готов был его уже проткнуть, но тут увидел, что Сидору нужна помощь. Буслай, отбив меч Сэма, ударом рукояти сабли сбил его с ног и кинулся на выручку к Сидору, который оказался в очень неудобной ситуации. Стив уже успел задеть его руку и прижимал Сидора к стене, а крестоносец пытался зайти с боку. Но тут подоспел Буслай и отогнал воина в сторону. Тот снова бросился на дружинника. Буслай одной саблей отбил удар, развернулся и другой саблей рассек горло врага. Кровь хлынула фонтаном, крестоносец выронил копьё и схватился за горло. Буслай ударом ноги опрокинул его на пол.

– Спасибо, Буслай, – поблагодарил дружинника Сидор и с яростью атаковал Стива.

Ярополк и Олаф не хотели уступать друг другу. Силы их были примерно равны, и стратегия боя похожей. Оба были упёрты и храбры, поэтому их схватка была яростной. Олаф нанёс рубящий удар сверху, Ярополк отскочил в сторону и ответил ударом наотмашь, который пришёлся в щит варяга. Тот, в свою очередь, нанёс ещё два рубящих горизонтальных удара; защищаясь, Ярополк отошёл на два шага назад, после чего сделал выпад. Но варяг подставил меч, и удар скользнул мимо. Олаф щитом ударил Ярополка по лицу, оглушив его. Ярополк замеш-

кался, и в этот момент Олаф нанёс колющий удар в плечо дружиннику. Но тут на выручку пришёл Буслай. Варяг знал его возможности, поэтому методично стал отходить к воротам.

Самюэль пришёл в себя после удара Буслая и поспешил к воину, который яростно атаковал Олафа. Тем временем Хлопуша, присев, пропустил удар храмовника над головой и воткнул свой меч в живот врага. Ярополк вышел из битвы: рана в плече кровоточила и была очень болезненна.

На поле боя складывалась такая картина: раненые Самюэль, Стив и Олаф бились против легко раненого Сидора, Хлопуши и Буслая. Опытный и самый разумный из всех, Стив, по достоинству оценил мастерство Буслая. Он ещё не встречал таких искусных бойцов в своей жизни, поэтому первым понял, что победы им не видать. Пятеро бойцов пали, ещё немного — и им тоже придётся сложить жизни. Он стал отступать к воротам, где дрались Олаф и Сэм.

– Надо уходить, иначе останемся здесь, как наши пять товарищей, – произнёс Стив, отбивая удар Хлопуши.

– Самюэль Смит ещё ни от кого не бежал! – крикнул воин и обрушил на Буслая удар страшной силы. Тот ловко отскочил в сторону и саблей выбил меч Самюэля из руки. Меч со звоном отлетел в сторону. Сэм пытался защищаться кевцом. В конце концов, храмовник тоже начал понимать, что они терпят поражение. К тому же силы его были уже на исходе — потеря крови сказывалась. Он постепенно отступил за спины Олафа и Стива.

Ворота были приоткрыты, крестоносцы и Олаф уже оказались рядом со спасительным выходом.

– Всё, уходим! – басом прокричал Стив и бросил свой щит в дружинников. Воспользовавшись этим, Сэм и Олаф выскользнули за забор, вслед за ними выбежал и Стив. Дружинники вышли за ними, но крестоносцы уже со всех ног мчались к лесу.

Дружинники вернулись на постоялый двор, где смогли перевести дух. Рана у Сидора была лёгкой — Хлопуша перевязал её.

– До свадьбы заживёт, – произнёс он и дружески похлопал товарища по плечу.

У Ярополка рана оказалась серьезнее. Конечно, не тяжёлая, но достаточно болезненная: задеты кость и сустав плеча. Его тоже перевязали, но нужна была помощь лекаря. Через некоторое время на двор вышел испуганный хозяин.

– Чего дрожишь? – спросил Буслай.

– Господи, опять на моём дворе... Ваш приход приносит мне большие убытки, – хлюпя носом, пролепетал хозяин.

– Дурак ты. Я спас тебя. Посмотри на их одеяние — это крестоносцы. Если бы не мы, твой двор сожгли бы и разграбили, как недавно несколько деревень. Это их рук дело. А насчёт убытков, по-моему, ты забываешься. Вспомни, куда ты дел доспехи и оружие тех людей, которых я с Ягром положил здесь в прошлый раз. Ты продал их в Ладоге. Кстати, оружие и доспехи этих людей ты тоже можешь забрать, кроме вот этого меча, – сказал Буслай и поднял с земли меч Сэма. – Хорошая работа, и рукоять дорогая. Подарю-ка я его Ягру, а то у него меч какой-то неказистый.

Хозяин накормил уставших воинов, и те отправились отдыхать, а сам он пошёл собирать оружие и доспехи крестоносцев. В душе он радовался: за оружие можно было получить много серебра или обменять его на нужные продукты. Трупы крестоносцев он вместе с работником погрузил в телегу, чтобы с рассветом отвезти в лес и закопать.

Утром дружинники проснулись рано, ещё до рассвета. Перекусили и пошли седлать коней.

– Значит так, Сидор. Хоть твоя рана несерьёзна, но обработать её всё равно надо. Так что возьмишь с собой Ярополка и отправишься в острог. Отец Евлампий с такими ранами легко справится. А я с Хлопушей попробую найти следы этих негодяев, – произнёс Буслай.

– Ну что ж, не хотелось бы, но придётся, – вздохнув, молвил Сидор.

– Всё, седлаем коней и в путь, – поторопил Буслай.

Дружинники оседлали коней и тронулись. Сидор и Ярополк отправились в острог, а Буслай с Хлопушей поехали туда, куда побежали крестоносцы.

Лагерь Гедемина

Самюэль, Стив и Олаф, скрывшись в лесу, ушли вглубь и оказались на поляне, где когда-то стояли дружинники, выслеживая людей Пургаса. Место показалось им подходящим для ночлега, тем более что там уже был готов шалаш. Оставалось только нарубить еловых веток. Раненого Самюэля кое-как перевязали, и он уснул крепким сном. Олаф и Стив немного перекусили едой, принесённой из лагеря. Благо, опытный Стив носил кожаный наплечный мешок с продуктами. Остальным пришлось побросать свои вещи во время драки. После еды они тоже легли отдыхать.

Утром они проснулись и злые отправились в лагерь. Ни о какой разведке не могло быть и речи — нужно было срочно доставить раненого Самюэля, чтобы не началось заражение. К вечеру они достигли лагеря. О них доложили Гедемину, и все трое, опустив головы, вошли в шатёр крестonosца.

– Что случилось? Почему у вас такой вид? Где люди? – задал сразу несколько вопросов Гедемин. Крестonosцы и Олаф переминались с ноги на ногу, не зная, что ответить.

– Мы дрались с людьми Буслая, – нарушил молчание Олаф.

– И вас снова этот дружинник разбил, судя по вашему виду? – грозно спросил Гедемин.

– Да, – коротко ответил за всех Стив.

– И сколько же их было на этот раз? Двадцать, тридцать? Как они могли победить таких выдающихся, непобедимых воинов, как вы? – с иронией в голосе спросил рыцарь.

– Четверо, – признался Стив.

– Всего четыре человека смогли побить наших лучших бойцов. Манфред, может, мы преувеличивали их заслуги? – спросил Гедемин.

– Как это могло случиться, Самюэль? – по-английски спросил Ричард.

– Этот Буслай — сущий дьявол. Я никогда не видел таких бойцов. Он не дрался, а исполнял на поле боя какой-то ужасный танец, от которого после каждого движения лилась кровь. Он был везде и всегда успевал в самое нужное место. Остальные его люди — тоже отличные бойцы. Думаю, это элитные ратники дружины, – ответил Стив. Он стоял и шатался, напрягая все силы, чтобы не упасть. – Я отвечаю за Сэма, он ранен, ему нужна срочная помощь лекаря.

– Как, мой Самюэль ранен?! – воскликнул Манфред. – Срочно лекаря! – закричал он. Через минуту вошёл монах-лекарь и увёл воина.

– Опять этот Буслай. Как он мне надоел. В том году он расстроил все мои планы, и в этом году всё повторяется снова, – произнёс Гедемин.

– Думаю, надо идти и брать этот острог. Не думаю, что там больше людей, чем в прошлом году. Людей у нас достаточно, – сказал самонадеянный Манфред.

– Мы потеряли уже четверть отряда, а добились только победы над воеводой, – заметил фон Борк.

– Чаклер говорил, что они закладывают новый острог на Северной дороге. Не знаю, может, уже построили, – сказал Гедемин.

– Для этого можно устроить конный рейд, – предложил Стив.

– Да, скорее всего, так и поступим. Завтра я пошлю Вальтера с кем-нибудь. Пусть разведает, что они там настроили, а заодно, может, узнает и о численности дружинников. Вообще, было бы хорошо разрушить их новое начинание. Власти Новгорода не просто так это затеяли — это должно быть у них что-то вроде охранного поста, – произнёс Гедемин.

– Идите отдыхайте, – обратился фон Борк к Стиву и Олафу. – Да, и позовите Вальтера. Воины вышли из шатра. Через несколько минут вошёл Вальтер.

– Вот что, друг мой. Завтра нужно совершить рейд к новому острогу, про который говорил Чаклер. Нужно понять, что они там настроили, а также посмотреть, много ли там народу. Я имею в виду дружинников. Тебе нужно взять с собой кого-то в помощь, – сказал Гедемин.

– Я всё понял. С рассветом выдвинусь. С собой возьму Финна — он самый толковый из всех, да и воин неплохой, – произнёс Вальтер.

– Хорошо, пусть будет так, – молвил рыцарь и пригладил волосы.

– Значит, дня через три пойдём на острог? – спросил фон Борк.

– Думаю, да, если только погода позволит. Дожди дают преимущество русским, – ответил Гедемин.

– У меня руки чешутся отомстить за сегодняшнюю неудачу. Жалко, что рана помешает Самюэлю пойти с нами. Это Буслай нанёс ему такую рану. Сэм горит желанием отомстить, – произнёс Стив.

– Многие горят желанием отомстить ему. Вот, например, Олаф: у него был один шрам на лице, а второй, параллельный, он получил от Буслая. Правда, Олаф? И у меня с ним свои счёты, и у Финна, и у Непеи, и даже у Вальтера. Так что не ты один хочешь отомстить, – сказал Гедемин.

– Он будет мой. Клянусь Святой Девой Марией, – произнёс Стив и перекрестился.

Ладога

Буслай и Хлопуша легко нашли путь, которым ушли Олаф, Сэм и Стив, — по пятнам крови раненого храмовника, оставленным на ветвях и земле. Дружинники внимательно осмотрели место.

– Они здесь были недавно. Видно, устроили ночлег. Мы тут в прошлом году стояли лагерь, когда охотились на разбойников. Вон шалаш старый, а еловые ветки свежие, – произнёс Буслай.

– Да, точно недавно. Вон, кто-то платок забыл, – заметил Хлопуша и поднял с земли платок. Буслай взял его.

– Дорогая вещь — шёлк заморский, – сказал он, теребя платок в руках.

Они отправились по следам крестоносцев. Враг шёл неаккуратно — видно, торопились. По следам они снова вышли к опушке. На ещё не засохшей грязи отчётливо виднелись свежие следы троих.

– Они пошли в Ладожский лес, больше некуда. Ладно, поехали в Ладогу. Теперь мы хотя бы знаем, где они прячутся, – произнёс Буслай и отпустил поводья.

К вечеру они прибыли в Ладогу и сразу пошли навестить Евпатия. Когда они вошли, навстречу вышла Зара. Она приставила палец к губам, давая понять, чтобы не шумели.

– Как он? – прошептал Буслай.

– Плохо. Если продержится три дня — тогда будет понятно. А сейчас всё в руках Божьих. Я сделала всё, что смогла, – ответила ведунья.

– Что ж, мне ждать некогда. Нужно быстрее разбираться с ворогом. Я с Хлопушей отправлюсь в острог, а Никита с Юрием пока побудут с тобой, – произнёс Буслай.

– Когда отправитесь? – спросила Зара.

– Завтра с восходом, – ответил Буслай.

Утром, как и сказал Буслай, они выехали из Ладоги. День выдался тёплым и солнечным, слякоть на дороге подсохла, ехать стало легче.

– Буслай, – начал Хлопуша, – замолви за меня словечко перед владыкой, чтобы меня под начало Игната к острогу прикрепили. Мы с Никитой сильно дружны, хотелось бы вместе с ним ратную службу нести.

– Или какой другой интерес у тебя есть? Смотрю я на тебя — глаза хитрющие. Наверно, зазноба там появилась, вот и просишься в острог. Раньше что-то ты туда не особо рвался, – произнёс Буслай с улыбкой.

– Разве от тебя что скроешь. Есть там одна женщина, Степанидой кличут. Запала она мне в душу. Сколько лет один, ни на кого внимания не обращал, а она прямо манит, покоя моей душе не даёт, – сказал Хлопуша.

– Ну, понятно. Оставайся. Евпатий ранен, теперь я здесь командир. Хороший воин мне не помешает — больно враг сильный у нас, – произнёс Буслай.

– Спасибо, Буслай, – поблагодарил Хлопуша. Его глаза засверкали от счастья, он улыбнулся.

Северный острог

До острога Буслай и Хлопуша добрались без происшествий. Ранее Сидор и Ярополк тоже доехали нормально, и отец Евлампий сразу оказал им помощь. Рана Сидора была пустячной, а с Ярополком пришлось повозиться: отец Евлампий обработал и зашил рану, хорошо, что обширного нагноения не наблюдалось. Они тоже вышли встречать товарищей. Их, как всегда, встретили приветливо и, конечно, принялись расспрашивать. Особенно наседали с вопросами Митрич.

– Буслай, расскажи хоть ты, что там, в конце концов, произошло? А то эти молчат, как рыбы, и ничего не говорят. Вот Сидор — тот неразговорчивый. Говорит: «Буслай приедет и всё расскажет», — поинтересовался любопытный дед.

– На крестоносцев мы нарвались, драка была. Навалили мы им, они бежали так, что только пятки сверкали, — ответил Буслай.

– Успокойся, Митрич, не посрамили мы оружие русское. Победили врага, — добавил Хлопуша. К ним подошёл из толпы Сидор.

– Нашли их лагерь? — спросил он.

– В Ладожский лес они пошли, там их стоянка. Сначала стали на ночлег недалеко от Северной дороги, на поляне, где мы когда-то разбивали стоянку. Хорошее место — они им воспользовались, а утром ушли, — ответил Буслай.

– А как там Евпатий? — спросила бабка Авдотья.

– Плох Евпатий. Когда мы уезжали, он был без сознания. Зара сказала, что через три дня будет ясно. Если организм победит кризис, то возможно выздоровление. Рана сильно воспалена. Я оставил Никиту и Юрия с ними, — ответил Буслай.

– Хорошо, что хоть вы целы, — произнесла вышедшая вперёд из толпы Степанида. Хлопуша нежно посмотрел на женщину. Она пыталась сделать вид, что не замечает этого, но краска на лице выдавала её. Поэтому женщина попыталась сразу спрятаться за стоявшего впереди всех Митрича.

– Ладно, что-то вопросов у вас больно много. Кормить-то нас будете, а то мы с дороги голодные и уставшие? — спросил Буслай.

– Да, конечно. А ты, чёрт старый, отстань от людей, потом донимать расспросами будешь, — проворчала бабка Авдотья.

Жители стали понемногу расходиться, а бабка Авдотья повела дружинников к столу. На дворе было тепло, поэтому стол накрывали на воздухе. К Буслаю и Хлопуше подсели другие дружинники, кроме Ярополка: он пожаловался на недомогание и пошёл отдыхать.

– Что делать будем, Буслай? — спросил Годыня.

– Воевать, друг мой. Думаю, они в скором времени сюда пожелуют. У Гедемина к нам накопилось много вопросов. Он не замедлит послать сюда разведку, если те воины с варягом Олафом не были той самой разведкой. Он несколько раз обжёгся, поэтому обязательно должен проверить новый острог, — ответил Буслай.

– Так давай мы эту разведку и примем душевно, — предложил Тима.

– Нет, Тимофей, тут нужно поступить иначе. Тут хитрость нужна. Нас меньше, чем их, и намного меньше. Поэтому вот что я думаю: пару дней мы, я имею в виду дружинников, должны сидеть тише воды, ниже травы, чтобы ввести разведку в заблуждение. Нужно предупредить всех мужиков, чтобы, когда они будут выходить за ворота за брёвнами или ещё за чем, громко говорили, давая понять, что дружины в остроге нет. Если Гедемин поверит, то, может быть, потеряет бдительность. Мы сможем вновь использовать преимущество внезапности, — сказал Буслай.

– Ты хочешь встретить их не в остроге, а где-то в лесу? — спросил Годыня.

– Тут нужно подумать. Стены нового острога выше и крепче. Просто так они их не одолеют, да и нет у них столько сил, чтобы осадить крепости. А нам нужно расправиться с ними. Если мы их отпустим, сколько бед можно от них ждать в обозримом будущем. Нужно что-то придумать. У кого есть мысли — прошу высказываться, – предложил Буслай. В этот момент к столу подошли бабка Авдотья и Степанида с едой. Они принесли кашу, хлеб и вяленое мясо лося.

– Ох, не поскупилась на еду ты, бабка Авдотья, – сказал Игнат.

– Заслужили, голубчики, надрали крестоносцам уши. По делом им, чертям окаянным и ворогам проклятым, – произнесла старуха.

Степанида подходила к каждому дружиннику и накладывала кашу в глубокие лохани. Проходя мимо Хлопуши, она как бы невзначай бедром задела его плечо. По его телу пробежала приятная дрожь. «Нужно найти повод, чтобы с ней поговорить», — подумал Хлопуша.

– Корми нас хорошенько, бабка, и мы эту гадость поганую всю выгоним с земли русской, – пробасил Годыня и откусил большой кусок мяса с массивной косточки.

– Ешьте на здоровье, защитники наши. Кто захочет добавки — кликните Степаниду, она подложит, – произнесла Авдотья и пошла к костру, где у неё стояло какое-то варево. Степанида тоже хотела уйти, но тут Буслай взял её за руку:

– Присядь, красавица, расскажи нам что-нибудь. А то мы всё о враге да о делах ратных болтаем, а нам хочется иногда послушать, как простые люди живут, чем занимаются, – спросил Буслай.

Девушка присела на скамью. Как раз получилось так, что Хлопуша сидел с краю, и ей пришлось сесть рядом с ним. Их бёдра коснулись друг друга, и они оба ощутили тепло.

– Да что же рассказывать? Вот мужики трудятся с утра до вечера. Благо, погода хорошая несколько дней стоит. А мы что? Наше дело бабье — готовить им да кормить, – ответила Степанида и отрезала краюху хлеба Хлопуше. Дружинник принял хлеб из её руки.

– А ты, хозяйюшка, расскажи, что творится в старом остроге? – спросил Хлопуша.

– Да там только Дар, Пелагея да Илья с ними. Отец Евлампий решил там постоянный двор сделать, чтобы какая-то помощь острогу от него была. Пелагея осталась там управлять, а Дар и Илья — у неё в помощниках. Может, со временем кто ещё туда пойдёт, – ответила женщина.

– А если враг придёт? – спросил Хлопуша.

– Ну, там можно подземным ходом уйти, – ответила Степанида.

– Кстати, Буслай, сейчас мужики закончат строить, будут ход и здесь рыть. Сейчас народу в остроге прибавилось — проще будет, – произнёс Игнат.

– Это да, – подтвердил Тимофей.

– Ну и хорошо. А потом будут рыть для себя, а не для кого-то, – сказал Буслай и отпил молока.

– Хлопуша, выпей и ты. Только что корову подоила — молоко ещё тёплое, – сказала Степанида и подала ему кринку.

– Спасибо, хозяйюшка. Так бы и пил всегда из твоих рук, – произнёс Хлопуша. Степанида немного смутилась, но было уже темно, и краску на её лице никто не заметил.

– Ты не болтай, а ешь лучше, – ответила она с нежностью в голосе.

– Ну, чего, Буслай, ты пока ничего не надумал, как немца бить? – спросил, сильно чавкая, Годыня.

– Тут, брат, думать надо. Сегодня они не придут, а завтра соберёмся и на свежую голову подумаем, как врага бить, – ответил Буслай.

– Ты на разные выдумки мастак, думаю, что до утра чего-нибудь да придумаешь, – сказал Свирид.

– Утро вечера мудренее. Вы тут как хотите, а я спать пошёл, – произнёс Игнат.

– Я тоже спать, – сказал Тимофей и вышел из-за стола.

– Сейчас я догрызу свою косточку и последую за вами, – молвил Годыня и запил еду молоком.

Хлопуша есть быстро не хотел — он хотел подольше посидеть рядом со Степанидой. Он сидел и ковырялся в своём блюде.

– Ты чего ешь плохо? Невкусно, что ли? Мы вроде с бабкой Авдотьей старались вам угодить, пряностей разных добавили, – спросила Степанида.

– Да нет, вкусно, просто я заслушался разговора. Сейчас всё съем, – ответил Хлопуша и принялся за еду. Степанида наблюдала за ним.

Хлопуша ей понравился сразу. Он был статен, приятен лицом и, как ей казалось, не глуп. Одиночество тоже томило её, но подходящего мужчину она пока не встретила. За ней многие пытались ухаживать, но она никому не отвечала взаимностью, а кто пытался подойти с наглостью, тех она не стеснялась гонять, бывало, даже оглоблей. Хлопуша к ней не приставал, хотя ей казалось, что она ему нравится.

Вскоре ужин закончился, все поблагодарили хозяек и отправились отдыхать. Буслай тоже пошёл к Даше. В последнее время он редко видел жену и сына. Они решили поговорить, но после первых вопросов дружинник крепко уснул. Даша не стала его тормошить и тоже легла спать — умаялась. Маленький Акинфей не давал ей скучать.

Утром Буслая разбудила жена и принесла ему козьего молока. Дружинник выпил, потянулся и встал. Во дворе уже слышался звонкий голос бабки Авдотьи, которая просыпалась всегда с петухами. Буслай подошёл к окну. На дворе копошились Лукерья и Лада, а у ворот Игнат менял ночное охранение. Потихоньку стали выходить остальные дружинники и жители острога. Фёдор с мужиками сколотили несколько больших столов и скамеек, чтобы разместить всех. Погода утром обещала тёплый день.

Степанида расставляла на столе посуду. К ней бесшумно подошёл Хлопуша и взял её за локоть. Она вздрогнула от неожиданности.

– Ты? – удивилась она.

– А что в этом странного? Я подошёл пожелать тебе доброго утра, – ответил Хлопуша.

– Спасибо. Только зря ты за мной пытаешься ухаживать. Ты, конечно, видный мужчина, но мимолётные отношения мне не нужны. Ты сегодня здесь, а завтра в Ладогу уедешь — и всё. А мне с людьми жить, – произнесла женщина, уткнув глаза в землю.

– Не уеду я отсюда никуда. Вчера с Буслаем говорил, он дал добро, чтобы я в остроге остался, – ответил дружинник.

– А как же дружина, твой воевода? – поинтересовалась Степанида.

– В остроге сейчас опаснее, чем в Ладоге. Немца ждём. Буслай думает, что он на острог идти надумает. У Гедемина много вопросов к нам, – ответил Хлопуша.

– Понятно, – задумчиво произнесла Степанида.

– Ты уж прости меня, я с женщинами не привык объясняться, но скажу тебе просто, без утайки: как увидел тебя, сразу ты любя мне стала. Можешь ничего не говорить, но я хочу, чтобы ты знала, – сказал Хлопуша и поправил волосы. В горле у него пересохло от волнения.

– Зачем я тебе? Вон сколько девок молодых, а у меня детей четверо. А дети — это обуза большая, – произнесла Степанида.

– Любя ты мне, больше я тебе ответить ничего не могу. Когда человек loves, он не должен думать о трудностях и неудобствах, – сказал Хлопуша.

В этот момент к столу подошла бабка Авдотья и перебила разговор. Она принесла большой чугунок и с грохотом поставила его на стол. Хлопуша и Степанида невольно вздрогнули.

– Ладно, нужно помочь на кухне Лукерье — я обещала подойти после того, как расставлю посуду, – произнесла Степанида и пошла в сторону кухни, а Хлопуша направился к дружинникам, которые стояли кругом и что-то обсуждали.

Буслай с Игнатом стали обходить стену острога. Дружинник с восторгом осматривал новую крепость. Во-первых, забор намного выше, чем в Лебяжьем остроге, во-вторых, Северный острог был вдвое больше прежнего. Соответственно, все постройки сделали качественнее. Полностью построили конюшню, загон для скотины и курятник. Через несколько дней должны были достроить амбар. Фёдор уже заканчивал часовню. Оставалось сложить ещё несколько домов, а за лето Фирс обязался сложить печи. Также по проекту отца Евлампия построили большой дом для зимней столовой. Но Буслая больше интересовали стены и сделанные в них бойницы.

– Отлично мужики поработали. Удивляюсь, как они успели всё за такое короткое время? – спросил дружинник.

– Ну как. Брёвна рубили и пилили ещё зимой. Кто поопытнее, под руководством Фёдора срубы готовили, а потеплело — так строить начали. Самая большая проблема была — стена. Сложно было рыть мёрзлую землю, да и брёвна нужны были широкие. Хорошо, что подходящий лес рос рядом. Гляди, какую большую поляну перед острогом оставили. Если бы лес пришлось тащить издалека, к концу года бы только управились, — ответил Игнат.

– В такой крепости и осаду держать можно. Сколько мы на данное время имеем бойцов? – спросил Буслай.

– Ты имеешь в виду всех или тех, кто сейчас в крепости? – уточнил Игнат.

– Всех боеспособных людей. Враг серьёзен, и пренебрегать им нельзя, — сказал Буслай и постучал кулаком по бревну.

– Ну, давай считать. Десять стрелков, десять пехотинцев, которых привёл ты — это двадцать. Потом я, ты, Свирид, Яким, Тимофей — двадцать пять. Ягр, Годыня, Василий, Егор, Сидор, Еремей и Володарь Карпыч. Ярополк не в счёт — он ранен. Никита и Юрий в Ладоге. Получается, в остроге тридцать два бойца. И ещё из местных боеспособны: Архип, Миронкузнец, Спирька и Агапит-охотник. Арефа слаб ещё, а остальные мужики могут только что-нибудь подавать. Их лучше в бой не пускать, чтобы не стали лёгкой добычей, — произнёс Игнат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.